

Вениамин
СЛЕПКОВ

г. Петрозаводск

Принц Астиптра

Повесть-сказка
(журнальный вариант)

Художник Владимир Левицкий

*Сыну Яше с благодарностью
за имя и образ
Донкранка Фира*

Глава первая

Улочки Лахи — вольного портового города на берегу Великого океана — были темными и извилистыми. Вечерами по ним могли ходить только искатели приключений, готовые рискнуть своей жизнью, да бесшабашная пьяная матросня с торговых кораблей, которой после кувшина-другого терпкого лахийского вина море было по колено.

Ночами то и дело улочки оглашались криками

дерущихся, иногда в тусклом свете редких факелов блестели стальные клинки, и, бывало, кошельки матросов, не до конца опустошенные в портовых тавернах, переходили в руки более удачливых лахийских головорезов.

По одной из таких улочек шел человек, закутанный в длинный темный плащ. Казалось, он нарочно выбрал самую грязную и темную улицу, чтобы избежать нежелательных встреч. Но ему не удалось обойтись без приключений. Толстая дубовая дверь в одном из домов распахнулась настежь, из нее на улицу вылетели и шмякнулись два сухощавых оборванца.

— И чтоб вас здесь больше не было! — прогремел им вослед хриплый голос.

Дверь осталась открытой, из проема на улицу падал свет, который усиливался тусклым светом двух факелов, укрепленных возле косяков.

Таверны привлекали к себе лахийских грабителей и воров. К этой касте, очевидно, принадлежали и выброшенные на улицу люди. Но им сегодня не повезло. Хозяин таверны раскусил их, прежде чем они успели распотрошить содержимое кошельков посетителей, на которое претендовал он сам.

— О, как больно! — простонал один из лахийцев, когда, стараясь подняться, попытался опереться на правую ногу. — Нет, братишка, видимо, сегодня не наш день!

— Воистину, братишка! — ответил ему его товарищ, который отделался лишь синяками, полученными при падении. — Но, может, Ураг, покровитель воров, еще пошлет нам какого-нибудь странника, в кармане которого завалялись хоть две-три монеты. Тогда эти милые кругляшки станут нашими и вечер можно будет скоротать не так паскудно, как прочие в течение уже десятка дней.

— Да где там! — проскулил первый вор. — Ураг, видно, спит и не помнит о том, что его подопечные хотят есть.

Человек в темном плаще слушал этот разговор, прислонившись к стене дома в месте, куда не доставал свет, шедший от дверей таверны.

— Ураг спит, а наши товарищи бодрствуют на других улицах, где ходят клиенты побогаче, — продолжал причитать вор. — А нам сегодня опять досталась эта, где всего-то две таверны. И то вторая почему-то закрыта. Здесь нас встретили неласково. А все ты! Не мог осторожно подцепить кошелек у спящего толстяка! Не зря тебя Невезушкой прозвали...

— Разве я виноват, что именно в этот момент он проснулся, когда моя рука была в его кармане! — оправдывался второй, шмыгнув носом.

Незадачливые грабители отряхнули свою выдавшие виды одежду и направились в сторону порта. Они не могли миновать незнакомца в черном плаще, поскольку улица была довольно узкой.

— Темнота — друг воров, — проговорил первый вор, который шагал, прихрамывая и опираясь на руку товарища. — Не упасть бы, а то но...

Он не успел договорить. Из горла, пронзенного ножом с широким лезвием, вырвался хрип.

Его товарищ, не сразу пришедший в себя, успел все-таки отскочить благодаря рефлексу, просыпающемуся в случае опасности. Прижавшись к стене, он вытащил стилет и стал вглядываться во тьму. Во тьме слышалось тихое дыхание того, кто только что отнял жизнь вора.

— Эй, ты! — сказал оставшийся в живых. — Выходи, покажи свое лицо!

Нападавший не отзывался.

— Или ты боишься, что я узнаю тебя? — спросил вор. — Чего ты хочешь? Денег у меня сегодня нет, тебе нечем будет поживиться.

Глаза его привыкли к темноте, и в нескольких шагах от себя он различил смутную тень человека в плаще. Тот стоял молча, выжидая удобный момент.

Со стороны порта послышался удар колокола, отбивший полночь. Человек в плаще нетерпеливо пошевелился.

— Я теряю время с этим идиотом! — досадливо пробормотал он.

Нескольких тихих слов оказалось достаточно, чтобы вор узнал голос.

— Это ты! — с ужасом воскликнул он. — Ты, три года назад предавший Воровскую лигу! Зачем ты появился здесь? Тебе не прожить на наших улицах и дня! Ты — Бандар!

Его удивление и ужас сыграли для вора плохую службу. Он допустил промах, чуть отклонив свой стилет. Неуловимым движением Бандар приблизился к нему, широкое лезвие ножа вошло в грудь вора.

— Может быть, я не проживу и дня, но ты не прожил и ночи! — злобно прошептал убийца. — Зря ты попался мне навстречу.

— Ураг отомстит за меня, — прошептал вор из последних сил.

Бандар вытер нож об одежду вора и быстрыми, но неслышными шагами направился вверх по улице. Миновав еще несколько домов, Бандар остановился возле закрытой двери. По сторонам от нее также висели факелы, но в этот момент они не горели. Бандар постукивал условным стуком. Дубовая дверь отворилась, и разбойник шагнул в помещение, освещаемое неверным светом свечи.

Его встретил человек в сером плаще с капюшоном, скрывавшим лицо.

— Принес? — нетерпеливо спросил он.

— Да, — ответил Бандар. — Товар со мной, но,

прежде чем спрашивать, ты, может, угостил бы меня вином?

— Ты выпьешь вина после того, как мы завершим расчеты.

Этот глухой неприветливый голос не понравился Бандару, но он не раз встречался со странными заказчиками и привык не обращать внимания на такие мелочи. Разбойник присел к столу на деревянную скамью и вытащил из складок одежды кожаный мешочек.

Человек, ожидавший его в закрытой таверне, нетерпеливо протянул ладонь, но Бандар отдернул свою руку:

— Не спеши! Где обещанная плата?

Человек отошел в угол и вернулся с узорчатым кошельком в руках.

— Смотри, — сказал он, высыпая содержимое кошелька на стол.

Глаза Бандара вспыхнули жадным огнем, перед ним лежала дюжина крупных рубинов и алмазов. Искусно ограненные камни играли на свету, горя ярким огнем.

— Этого тебе хватит, чтобы в любой стране стать знатным вельможей! — проговорил человек. — Камни помогут тебе скрыться, тебя ждет иная жизнь!

— Да, — выдохнул Бандар. — Но я их заслужил! Мне пришлось нелегко, пока перстень не оказался в моих руках.

— Так пусть он скорее окажется в моих руках! — нетерпеливо проговорил человек.

Бандар развязал свой мешочек, и на столе рядом с драгоценными камнями оказался перстень с круглым красным камнем. Казалось, этот камень из перстня был простой стекляшкой, только странной, поскольку в глубине, словно изъяз, виднелись три пурпурных шарика.

— Интересно, что это за перстень? — спросил Бандар.

— Тебе не нужно это знать, ты все равно не сможешь им воспользоваться, — ответил его собеседник. — Да и продать не сможешь, поскольку ни один ювелир не обратит внимания на эту стекляшку. Мало кто знает, в чем сила этого перстня. Может, в нем и нет никакой силы, и

желание обладать им — просто прихоть моего хозяина.

— А кто твой хозяин? — заинтересованно спросил Бандар.

— Ты слишком любопытен, — ответил человек, убирая перстень. — Забирай камни, давай пить вино.

Он отошел к стойке и вернулся с двумя бокалами, один из которых протянул Бандару.

— Прости, но не мог бы ты дать мне другой бокал? — ухмыльнувшись, спросил Бандар.

— А ты осторожен! — проговорил человек. — Держи!

Бандар пригляделся, принялся к вину.

— Ты первый, — сказал он и проследил взглядом, как покупатель перстня первым сделал большой глоток. Не опасаясь далее, Бандар осушил свой бокал, и тут же судорога свела мышцы его лица.

Разбойник не успел сказать и слова, как смерть сковала его члены.

— Вот и все, Бандар, — улыбнулся человек, убивший его. — Ты выполнил свою работу и

больше не нужен. А если б ты знал моего хозяина, то не удивился бы, что отравленное вино не приносит мне зла. Никто не расстроится, увидев твоё тело. Решат, что Воровская лига расправилась с отступником, а мне пора.

Человек вытащил у разбойника кошель с драгоценными камнями и скрыл его в складках своего плаща, где незадолго до этого нашел пристанище мешочек с перстнем, поправил капюшон, задул свечу. Вскоре скрипнула дверь, и в таверне остался лишь труп разбойника.

Трубы на башнях Северных ворот прорезали пространство над городом резким долгим звуком, возвещая выезд принца. Ворота цитадели отворились, с легким мелодичным звоном скользнули вверх решетки, загремела цепь, опускающая прочный бревенчатый мост, по которому можно было пересечь глубокий ров, окружавший стены цитадели.

Возле Северных ворот редко встречались прохожие, но и те люди, которые в этот час находились неподалеку, поспешили освободить дорогу. Вскоре раздался цокот копыт, по мосту, выехав из стен крепости, пронёсся отряд всадников.

Яркие шелковые одежды красного, синего, зеленого цветов развевались на ветру. К седлам всадников были приторочены луки, за спинами висели колчаны с длинными стрелами.

Во главе отряда на красивом белом жеребце, чей лоб украшал султан из павлиньих перьев, скакал принц Ашура, наследник престола славного государства Хостинпур. Длинные черные волосы принца, перехваченные золотым обручем, развевались от быстрой скачки. Алый плащ, удерживаемый на плечах алмазной застежкой, трепетал на ветру.

Принца сопровождали полтора десятка приближенных, таких же молодых воинов, разделявших с ним заботы и развлечения. Сейчас они смеялись, предвкушая славную охоту.

Солнце играло на белых куполах храмов и дворцов цитадели, надежно защищавшей народ Хостинпура от врагов. Хотя молодежь едва помнила времена, когда в последний раз пришлось искать защиты за стенами крепости. Много лет прошло с тех пор, как воины соседнего Ахора прошли огнем и мечом по селениям ныне богатого и сильного государства. На свою беду пришли люди Ахора в Хостинпур. Крепость выдержи-

ла осаду, меткие лучники не давали врагам приблизиться, смелые вылазки всадников, поддерживаемых копейщиками, трепали вражеское войско. Царь Хостинпура, дед принца Ашуры, сумел разбить противника.

Ныне Ахор вел себя тише воды, ниже травы. Ежегодно караваны с данью приходили в Хостинпур, привозя украшения, одежду, пищу. Не привозили только оружие, его производство было ограничено победителями. Также было запрещено ставить крепости на границе государства. Хостинпур не испытывал желания захватить чужую территорию, но и свою берег как зеницу ока.

Вокруг цитадели располагался город. Поближе к крепости стояли дома знатных горожан: купцов, богатых ремесленников. Достаточно было пройти по этим улицам, чтобы понять, что здесь живут люди, давно не испытывавшие ужасов войны и голода.

Мира и благоденствия достиг Хостинпур во время долгого правления деда принца Ашуры, а затем и правления его отца — славного царя Падаси.

Цитадель была построена далекими предками Ашуры, родоначальниками нынешней династии, хотя город на этом месте стоял с незапамятных времен. Древние легенды сохранили до нынешних времен подробности битв между богами и демонами, между людьми многих царств, между народами, приходившими то с юга, то с севера, то с востока или запада. Царь Падаси, которому хоть и довелось участвовать в грозной войне с Ахором лишь в молодые годы, не жалел средств на укрепление крепости.

В крепости было два входа. Через южные ворота в нее проходили горожане, у которых была надобность к царским сановникам. Во время праздников, когда шли торжественные богослужения в храмах Идры и жрецы главного бога Хостинпура совершали свои обряды при участии многих людей, горожане также спешили в цитадель, чтобы попросить бога и впредь защищать их от всяческих напастей и вознести ему свою благодарность за многолетнее благоденствие.

Прибегали к помощи бога и больные, и увечные, и те семьи, которые пока лишены были благословения сыном или дочерью. Что поделаешь, даже мирные и покойные годы не сулят счастья каждому, а мирный труд также может

обернуться увечьем, не менее тяжелым, чем война. И от нищеты не все могут спастись. Хотя не дадут добрые жители Хостинпура умереть человеку с голоду, но и полностью обеспечить жизнь не в силах. Кроме того, не сами хостинпурцы, а жители других стран, обнищав, часто искали приюта в славном городе.

Дома этих людей стояли на окраине города. Они строились из тростника и обмазывались глиной, в них было не так просторно, как в домах хостинпурцев, но каждый знал, что нет разделения у города на бедную и богатую части. Ведь любой пришлый, пусть и добрался он сюда с пустой сумой, но, если имел работающие руки, чтобы обрабатывать благодатную землю, или был одарен богами талантом к какому-либо ремеслу, быстро мог переселиться повыше к стенам цитадели. Через год-другой он уже считал себя хостинпурцем не хуже, чем те, чьи роды жили здесь столетиями.

Отряд всадников мчался по северной дороге, которая шла вдоль города. Справа от нее стояли дома горожан, утопавшие в садах, а слева шли поля, на которых росли пшеница, овес, ячмень. Поля простирались так далеко, что нужно было несколько полетов стрелы, выпущенной сильным лучником, чтоб достичь их края. За полями виднелся лес, упиравшийся на горизонте в горы. Все это был Хостинпур. А за горами располагалось небольшое княжество Хозрем, чьи жители кормились в основном рыбным промыслом. С этим княжеством Хостинпур всегда жил в мире, а вскоре эти дружеские узы могли стать еще крепче, поскольку принцесса Девика и принц Ашура готовились сыграть свадьбу. Девика и сейчас гостила в Хостинпуре, проводя дни в отведенных для нее покоях царского дворца.

Южная дорога была заполнена повозками и тележками, на которых из селений привозили товары на городской рынок. Рынок, где шла бойкая торговля, так шумел и волновался, что его звуки долетали до северной части города, до пустынной дороги, по которой мчался отряд всадников с принцем во главе. Заслышав скачущий отряд, редкие прохожие, большей частью крестьяне, отходили в сторону, почтительно, но с достоинством склоняясь перед всадниками.

Ни принц, ни сопровождавшие его не могли ожидать того, что произошло.

Навстречу всадникам из боковой улочки на

дорогу вступила группа паломников, человек пять-шесть с посохами и котомками за плечами. Первым шел старый человек, одетый в тряпье. Его смуглое тело просвечивало сквозь рваную ткань плаща. За ним следовали мужчины разного возраста, но все они были младше своего предводителя. Может, это, а может, что-то иное в их взглядах и поведении показывало величайшую степень почтения, с которым они относились к старику.

Ашура не успел остановить коня, когда старец оказался в нескольких шагах от него.

Перед тем как сбить старца, принц успел перехватить его взгляд, в котором не было ни страха, ни осуждения. Конь, управляемый твердой рукой Ашуры, чуть принял в сторону, поэтому удар был нанесен не грудью, а боком. Принц почувствовал, как его сапог касается тела старца, летящего в дорожную пыль.

Паломники заголосили и отпрянули назад. Принц не смог сразу остановить коня, и тот проскакал некоторое расстояние, пока, повинувшись узде, не поднялся на дыбы. Свита принца закричала так же, как и паломники, испугавшись, что Ашура и сам сейчас не удержится в седле и упадет на землю, как старый паломник. Но принца не зря учили лучшие наездники Хостинпура, он смирил скакуна и заставил его повернуться.

Все описанное произошло за считанные секунды, но многие успели испытать страх от того, что в эти секунды может случиться непоправимое. Несколько спутников принца также проскакали над лежащим в пыли стариком, и неизвестно, по какой божьей милости он остался жив, а не погиб под лошадиными копытами.

Правда, судя по всему, жить ему оставалось недолго. Падая, старик ударился головой о камень, из раны текла кровь, впитываясь в дорожную пыль. Вокруг головы образовался бурый кровавый нимб. Седые волосы слиплись. Он лежал с закрытыми глазами и тяжело дышал.

— Разве вы не знаете, что северная дорога не предназначена для прогулок? — спросил принц с сожалением в голосе. — И разве не слышали топота копыт?

— Учитель не хотел идти по шумным улицам, — ответил один из паломников, опустившийся на колени возле старика.

— И теперь он может предстать перед очами Идры! — вздохнул принц.

Ашура спешился и наклонился над стариком. Тот лежал неподвижно. Принц скинул с себя алый плащ и протянул его паломнику, отвечавшему на его вопрос.

— Положите его на плащ и отнесите во дворец. Может быть, наши лекари еще сумеют ему помочь. Скажете, что вас прислал принц Ашура.

Услышав это имя, подошедшие паломники согнулись в поклоне.

— А если лекари не помогут, жрецы храма Идры помогут ему пройти последний путь, — завершил принц разговор.

Он вскочил на коня, произошедшее хоть и навевало грусть на принца, но не могло отменить его планы. Загонщики в лесу уже ожидали охотников, Ашуру и его приближенных ждало любимое занятие. Молодость не любит долго грустить, а страдания нищего старика не могут заставить отпрысков знатных особ надолго погрузиться в переживания.

Пыль поднималась за скачущим отрядом, скрывая его от паломников, которые осторожно, стараясь не причинить ни малейшего вреда старику, положили его на подаренный принцем плащ и тихо понесли к стенам крепости.

Отряд вскоре свернул с дороги и поскакал по далеко простиравшейся равнине в сторону леса. Различными оттенками зеленого — от шершавого зеленовато-серого до яркого цвета кошачьих глаз, светящихся в темноте, от бледного цвета сухих болотных мхов до темно-зеленого хвойного — переливался лес, в котором молочай и акации переходили в заросли пальм и баньяна.

Для Ашуры охота была бодрящим, пробуждающим боевой пыл, делом. Ведь на охоте нужны были воинские качества, нужна была меткость, нужно было иметь крепкие руки, хорошо держаться в седле. И вид проливаемой животными крови заставлял почувствовать свою грозную силу. Это увлечение принца разделяли и его товарищи, поэтому глаза их горели восторгом, когда из лесу, напуганный криками загонщиков, выскочил грациозный олень с красновато-золотистой шкурой, покрытой белыми островками.

Принц опустил плечи, натянул тетиву лука так, что она почти коснулась лица, и выстрелил. Ноги оленя подкосились, и он рухнул в траву под кустом акации.

За первым оленем из лесу показались и другие

животные. На охотников неслись зайцы, из зарослей выскочила антилопа, пораженная стрелой охотника. Когда перед стрелками уже лежали несколько антилоп и оленей, спутники принца устроили потеху, пустившись вскачь за разбежавшимися зайцами. Быстрые зверьки неслись по равнине, а всадники с веселыми криками мчались за ними, останавливая их в прыжках своими меткими стрелами.

Принц не участвовал в этой погоне. Он оставался на месте, будто ожидая появления еще какого-либо животного, охота на которого могла бы доставить наслаждение. И ожидание оправдалось, из зарослей выскочил замбар. Огромный, самый крупный из оленей этих мест, он нес свое тяжелое тело легко, его копыта словно не касались земли, а летели над ней. Это изящное животное с шестиконечными рогами, хоть и превосходило размерами других оленей, умело и по лесу передвигаться бесшумно, словно тень.

Принц вскинул лук, натянул тетиву. Стрела задела холку пригнувшего голову замбара и скрылась в чаще. Другие охотники ускакали гонять зайцев, добыть оленя мог только сам принц. Он молниеносным движением выхватил стрелу из колчана, но замбар оказался скор, он повернул налево и удалялся в ту сторону, где не было охотников. Он бежал вдоль леса и вскоре мог выйти за территорию, где находились шедшие полукругом загонщики.

Ашура пустился в погоню. Умный конь летел, перескакивая ручейки, принц как влитой сидел в его седле, держа лук наизготовку. Он уже настигал оленя, как вдруг тот свернул в чащу и затерялся в ней. Принц ринулся следом.

Дорогу Ашуре преградил разросшийся баньян, чьи раскидистые воздушные корни свисали с ветвей. Это было старое дерево, многие его корни, пущенные прежде, не усохли в воздухе, а достигли земли и укоренились в ней, образуя новые стволы. Протиснуться сквозь них стройный принц мог с трудом, но он не остановился, а, спешившись, продолжал преследование.

За листвою баньяна принц увидел высокий каменный холм, у подножия которого, прямо возле расслоившейся каменной стены принца ждал не замбар. Перед Ашурой сидел гигантский тигр, чья ржаво-красная шкура переливалась в свете лучей солнца, стоявшего в этот момент над полянкой у холма. Олень ис-

чез. Принц оказался один на один со свирепым противником, который при виде принца издал яростный рев и оскалил клыки, напоминавшие небольшие кинжалы, украшавшие стену оружейного зала в хостинпурском дворце.

Принц вздрогнул, увидев хищника, чьи немигающие глаза были устремлены на него. Это был огромный тигр, какие редко встречались в Хостинпуре. До сей поры Ашуре приходилось видеть лишь тигров, которых привозили охотники в царский дворец. Смотреть на них сбегались все, кто жил за каменными стенами, а охотники, польщенные вниманием сановных особ, подробно повествовали о своей удаче, позволившей им пленить столь могучих зверей. Правда, теперь принц понял, что виденные им во дворце тигры были котятками в сравнении с тем, что сейчас злобно уставился на него.

Ашура сделал осторожный шаг назад, но спина его ощутила ствол баньяна. Отступать было некуда.

— О Идра! — прошептал принц. — Помоги совершить во славу твою подвиг! Обещаю тебе шкуру этого зверя, пусть украшает она жертвенный алтарь, показывая величие твое и милосердие!

Тигр издал рык, больше напоминающий хриплый хохот. Ашура похолодел, но не потерял самообладания. Он осторожно опустил лук на землю и медленно-медленно, почти незаметно вытащил из-за пояса длинный нож.

Зверь едва заметно пошевелился, Ашура напрягся, готовясь отразить нападение. Принц вдруг ощутил звенящую тишину леса. Станным образом вокруг пропали все лесные звуки, птицы не щебетали, даже в отдалении не было слышно их мелодичных голосов. Гомон охотников тоже исчез, хотя не так уж далеко находился принц от своих товарищей, чтобы хоть чуть-чуть их возбужденные радостные голоса не долетали до него. Ветерок, пусть небольшой, и тот не играл травой и листьями, молчали лесные ручьи. Ветви баньяна, возле которого стоял принц, безвольно повисли, не в силах шелохнуться. Эта странная тишина создавала ощущение остановившегося времени.

Ашура устал ждать нападения хищника, понимая, что ожидание только ослабляет его дух.

— Ну, давай, безмозглое лесное чучело! — громко сказал он хищнику.

Тигр, будто подстегнутый оскорбительными

словами Ашуры, подобрался и легко взвился над поляной. На миг перед принцем мелькнуло светлое пятно на тигриной груди, огромный комок мускулов в полосатой шкуре заслонил собою солнечный свет так, что на поляне сгустились такие же сумерки, как и в зарослях.

Принц почувствовал прикосновение могучей лапы, молниеносно бросился на тигра, встречая его плечом и вонзая острый катар в грудь хищника. Слишком мощным был зверь, чтобы охотник мог удержаться на ногах. Ашура начал падать под тяжестью тигриного тела. И тут краем глаза принц увидел, как на расстоянии ладони от него вдруг оказалось чье-то копьё, пронзившее его врага. Острие скрылось в шкуре и легко вошло в плоть тигра. Из последних сил зверь, в чьих туманившихся смертной дымкой глазах теперь сияла ненависть, попытался откусить принцу голову. Принц, не выдержав вида клыков, зажмурился, челюсти хищника лишь лязгнули почти над самым его лицом, и Ашура почувствовал, как тело тигра отваливается в сторону. Силы покинули принца, он потерял сознание.

Глава вторая

Когда тихие шаги Бандара растаяли в ночи, дверь дома, возле которого произошло убийство, отворилась, легонько скрипнув. Из нее опасливо выглянула старуха, державшая в отведенной назад руке свечу. Ей, видимо, не хотелось, чтобы яркий свет выдал ее присутствие, но и оставаться в полной темноте она побаивалась.

— Эй, кто здесь? — прошептала она.

Ответом ей был стон. Старуха, перешагнув высокий порог, выбралась на мостовую и вздрогнула, увидев тела двух воров, лежавшие возле стены. Она, прихрамывая, подошла к тому, что лежало ближе, и наклонилась. Огонек свечи позволил разглядеть перекошенное гримасой страдания лицо вора.

— Никак, Канн Невезушка? — спросила она.

Вор с трудом разлепил глаза.

— А, это ты, старая ведьма, — проговорил он. — Беги к сыну, скажи ему, что Бандар вернулся! Пусть он отмстит за меня и моего бедного братца Игу! — прошептал вор.

— Ну-ну, — согласилась старуха, — только сначала давай-ка я тебе помогу!

С неожиданной для ее сухого тела силой старуха приподняла Канна, причинив ему такую боль, что он вскрикнул, и втащила в дом. У двери тело подхватила девушка, до того скрывавшаяся в помещении.

— Давай, Фигля, быстро найди Страга, скажи ему, что Бандар убил брата Невезушки и самого его чуть не лишил жизни. А я пока помогу бедняге Канну.

— Меня зовут Филия! — обиженно ответила девушка, выбегая за дверь.

— Беги-беги, Фигля, — проворчала старуха, не обращая более внимания на девушку. Теперь ее занимал умирающий вор.

Старуха подошла к полкам, висевшим неподалеку от камина, и зазвенела стоявшими на них склянками.

— Сейчас-сейчас приготовим бальзамчик, Ураг нам в помощь, — бормотала она.

Раненый вор, потерявший остатки сил, пока его втаскивали в дом, лежал на стертом полу и не мог даже стонать. Вскоре старуха склонилась над ним, распахнула плащ, умелым быстрым движением задрала рубаху, пропитавшуюся кровью.

— Хороший удар, очень хороший, — приговаривала она. — Как раз для моего бальзамчика. Многих воров поставил он на ноги.

Слегка обтерев кровь влажной тряпкой, мягкими движениями она принялась втирать дурно пахнущую мазь в тело вокруг раны. Невезушка морщился от боли, но с каждой минутой ему становилось легче.

Просторная комната освещалась светом камина, углы тонули в полумраке. Старуха завершила свои манипуляции, Невезушка почувствовал, что его неудержимо тянет в сон. Старуха поставила склянку с бальзамом на место, вновь подхватила вора за плечи и поволокла к топчану.

— Я сам, — слабо запротестовал он и взобрался на топчан, покрытый медвежьей шкурой, правда, такой истертой, что возникал вопрос, во сколько раз эта шкура старше хозяйки дома.

— Засыпай, засыпай, — почти напевала старуха. — Утром проснешься как новенький.

— Спасибо, матушка Чича, — прошептал Канн. — Прости, что назвал тебя старой ведьмой.

Старуха ощерила редкие зубы в улыбке:

— А я и есть старая ведьма! Ну, ведьма не ведьма, а вас, воров, на ноги ставить умею, если, ко-

нечно, ваши души еще не отправились в компанию к Урагу, как душа твоего братца.

Пока матушка Чича пользовалась своим чудобальзамом пострадавшего вора, Филия пробежала пару кварталов до таверны, где обычно проводил ночи Страг, ожидая своих подчиненных. Девушка хорошо ориентировалась в темноте и, казалось, была абсолютно уверена в своей безопасности. Видно, ей не раз приходилось ходить этой дорогой, а грозное имя главы Воровской лиги служило хорошей защитой.

За большим столом из дубовых досок сидел грузный человек, одетый не без претензии на изящество. Его плечи прикрывал алый плащ, из-под которого была видна некогда желтая блуза. Она так оттопыривалась на груди, что было ясно — под ней надета кольчужка. Рядом с ним на столе лежала шляпа с пером. Здесь Страг принимал своих подопечных и клиентов, приходивших с заказами.

Увидев запыхавшуюся, раскрасневшуюся от быстрого бега девушку, Страг воскликнул:

— А вот и красавица Филия! Проходи, выпей со мной пивка да Расскажи, сама ты решила навесить своего преданного воздыхателя или вновь тебя прислала матушка Чича?

Девушка быстро подошла к вору и, наклонившись, шепнула на ухо:

— Бандар вернулся, ранил Невезушку и убил его брата!

— Черт! — вырвалось у Страга. — Эй, парни!

Несколько воров, сидевших за угловыми столами, тут же оказались возле него. Это была личная охрана главы Воровской лиги.

— Бегом, ребята! Нас ждет охота!

В сопровождении Филии и воров Страг покинул таверну. Мужчины выхватили факелы, укрепленные рядом со входом. Неподалеку отирались какие-то серые неприметные личности. Двое воров из компании Страга подскочили к ним, негромко сказали что-то. Те сразу сорвались с места. В считанные минуты припортовый район напоминал муравейник, по темным улицам которого сновали молчаливые сосредоточенные люди.

Страг и его спутники быстро оказались на улочке, где произошло убийство. Отправив девушку домой, они принялись за поиски. Пятеро воров зашли в таверну, где запоздалые посетители еще прогуливали остатки своих мо-

нет. Страг не дожидался их, зная, что, если следы Бандара там найдутся, его позовут. Он с тремя ворами бросился вверх по улице.

Один из воров, державшийся возле стены, вскрикнул. Он почувствовал, что в темноте налетел на какого-то человека.

Другой вор подскочил к ним с факелом. Страг увидел человека в сером плаще, его лицо закрывал капюшон, словно у монаха. Один из воров протянул руку и попытался откинуть капюшон с лица встречного, но отдернул руку, увидев колющий взгляд, от которого кровь застыла в воровских жилах.

— Это не он! — быстро проговорил вор.

Двое других воров уже вломились в двери второй таверны, вскоре оттуда раздался крик. Страг повернулся в ту сторону, вору, решившие, что нужно двигаться туда, засуетились. Их замешательством воспользовался незнакомец, быстро растаявший в темноте.

Но в ту же секунду вору, бывшие в таверне, выскочили из нее.

— Бандар убит! — воскликнули они.

— Вы его обыскали? Нашли перстень?

— При нем ничего не было! — ответили вору.

Страг повернулся в сторону незнакомца, но увидел, что того уже нет на месте.

— Черт! — выругался Страг. — За ним, быстро!

Компания бросилась вниз по улице. Вскоре им показалось, что в свете факелов мелькнул серый плащ незнакомца. Вору ускорили бег. Стук их сапог гулко отдавался на узкой улочке.

Преследователи летели по улице, как вдруг впереди послышался крик и звук падающего тела. Брат Невезушки и после смерти оказался полезным своим товарищам. В темноте монах налетел на труп и, споткнувшись, упал на мостовую.

— Стой, собачья морда! — заорал Страг.

Услышав голос сына, матушка Чича открыла двери своего дома. Перед входом в дом стало чуть светлее. В этом намеке на свет вору увидели человека, которого они догоняли, тот вставал на ноги.

В долю секунды Страг оказался возле него, он одной рукой попытался схватить монаха за горло, второй же выхватил кинжал. Но ему не удалось расправиться с человеком в плаще. Пальцы, которые должны были ухватить шею, оказались погруженными в какую-то мерзкую холодную слизь. Эта слизь, словно только и

ожидала соприкосновения, поползла вверх по руке вора. Страг не был брезглив, но поспешил отдернуть руку.

В дверях со свечой застыла матушка Чича. Рядом со Страгом полукругом стояли вору, приготовившие свое оружие. Монах увидел, что бежать бесполезно. Он не хотел привлекать чье-либо внимание, но тихо покинуть город ему не удалось.

— Что вам нужно? — спросил он вору. — Денег у меня нет, лишь медь в кошельке, которой не хватит даже на добрый ужин.

Он надеялся, что схватки еще удастся избежать.

— Ты убил Бандара! — утвердительно, как доказанный факт, высказал Страг.

— Но это он хотел убить меня! — соврал монах.

— Может быть, — согласился Страг. — Мы за это на тебя не в обиде, хотя я и надеялся самостоятельно перерезать глотку предателю. Год назад он взял у меня одну штучку, которая мне дорога как память. Я бы хотел ее вернуть. Ты случаем не знаешь, где она?

Монах пожал плечами. Он отступил еще на полшага и почувствовал себя увереннее, когда вору не последовали за ним. Те, в свою очередь, знали, что догнать монаха смогут в любой момент. Да и дополнительные силы должны были вот-вот появиться, ведь на поиски Бандара отправилась уже едва ли не вся многочисленная армия лахийских вору.

— Не знаю, о чем ты говоришь! — сказал монах.

— Я ничего не брал у твоего врага.

Страг скривил губы в ухмылке:

— Но, видишь ли, мой прежний друг вряд ли расстался бы с этой вещицей. Я уверен, что она была при нем. Это простая вещица, мне она досталась на память об одном добром человеке, и я старался хорошо ее хранить. Но не уберег. Так вышло, что он узнал об этой вещице. Не знаю, что он там решил, когда я напорол ему всякую чушь, рассказал сказку о том, что нужно искупать эту вещицу в слезах Итрари в храме этой богини в Кахоссе. Но мне говорили, что его в Кахоссе видели. И как раз в тот день, когда статуя Итрари плачет своими волшебными слезами, возвращающими жизнь и здоровье болящим.

— Зачем ты все это мне рассказываешь? — спросил монах. — Я не понимаю, о чем ты говоришь!

— А мне сдается, что ты прекрасно все понимаешь! — зло сказал Страг. — Видишь ли, вещица не

нужна была самому Бандару. Она была дорога только мне. Но были люди, которые надеялись заполучить ее в свои руки. Ты не из них ли?

Страг шагнул вперед:

— Давай посмотрим на содержимое твоих карманов! Не бойся, твоих медяков мы не тронем! Сам их вывернешь или тебе помочь?

Тон Страга был суров, но за суровостью вор скрывал беспокойство. Он не понимал, что за слизь ощутила его рука, когда горло монаха должно было сжаться под его крепкими пальцами. Главе Воровской лиги не хотелось вновь почувствовать мерзкий холод этой слизи. Именно это и заставило вора пуститься в объяснения, а не просто прирезать человека в сером плаще и обыскать его. Страг тянул время, не зная, на что решиться.

— У меня нет того, что ты ищешь! — в последний раз попробовал обмануть воров монах.

— Взять его! —скомандовал Страг, и воры бросились к своей жертве.

Но в эту секунду монах откинул капюшон, и кинувшиеся было к нему воры застыли, пораженные нечеловеческой силой его взгляда. Глаза горели фиолетовым светом, воры не в силах были отвести своих взглядов от этих необычайных глаз, которые, казалось, росли, становились все крупнее, заполняли пространство вокруг и втягивали нападавших в какой-то горячий туман, где их ждали страшные муки и гибель. Магии этого взгляда поддался и Страг.

Старуха, увидев, что ее сын и его товарищи

медленно, будто в воде, оседают на мостовую, вскрикнула и что было силы бросила свечу прямо в лицо монаха.

Тот, заметив движение, рефлекторно моргнул, и это спасло воров от смерти. В ту же секунду один из них швырнул горящий факел вслед за свечой.

Монах ловким движением уклонился от него и, повернувшись, бросился вниз по улице. Его не преследовали, воры были счастливы, что дешево отделались. Только Страг сделал попытку кинуться за монахом, но его остановил голос матери:

— Сын мой, оставь его!

Страг повернулся к матушке Чиче. Черты ее лица были искажены, седые волосы стояли дыбом.

— Сын, не преследуй его! — повторила старуха. — Его сила выше человеческой, нам не нужно даже пробовать сражаться с ними.

— С кем? — спросил Страг.

— С пустынными колдунами, — ответила мать.

— Но у него мой перстень! — пробормотал Страг, который, тем не менее, не бросился в погоню и даже был рад, что его

остановили.

— Забудь о перстне! — резко сказала старуха. — Я сразу говорила, что эта игрушка — не для тебя. Хорошо, что он оказался в руках Бандара, когда потребовался пустынному колдуну, а не в твоих руках, сынок! Благодаря этому ты жив, а предатель мертв.

Старуха вошла в дом:

— Зайдите, ребята, — пригласила она воров. — Вам надо отдохнуть, Фигля, налей вина гостям!

— Меня зовут Филия! — пискнула в ответ успешная вернуться девушка.

Компания расположилась за широким столом, девушка быстро разлила вино по бокалам. Старуха присела рядом.

— Ты пей и беги успокой ребят, а то кто-нибудь из наших может погибнуть, — обратился Страг к одному из воров. — Просто скажи, что Бандара больше нет. Да и о телах надо позаботиться. Пусть уберут и предателя, и беднягу Игу — Невезушкиного братца. Похороним сегодня по нашим обычаям.

Вор, получивший указания, одним глотком осушил стакан и направился к двери. У выхода он остановился и повернулся к столу:

— Страг, а вдруг этот серый вернется?

Помолчав, глава Воровской лиги ответил:

— Ну, это вряд ли! Ему нужен был перстень, он его получил. Теперь он поспешит отсюда, благо, море спокойное. Думаю, в славном Лахи ему больше нечего делать. Ты же с телами один не возись, возьми хоть десяток людей себе в помощь!

Вор передернул плечами, будто ему стало жабко в натопленном помещении, и отправился выполнять приказ.

Остальные воровы вздохнули спокойно, после пережитого ужаса никому из компании не хотелось выходить на улицу. Им, выжившим, напротив, хотелось оставаться вместе, расслабиться, почувствовав себя в безопасности в доме старухи, где все было знакомо, где каждый из них не раз получал помощь. Под мирное потрескивание поленьев в камине и тихий храп Кання-Невезушки им было хорошо сидеть у стола, благостно потягивая кисловатое винцо из запасов матушки Чичи. Их начальник положил подбородок на сложенные на столе руки и, казалось, задремал.

— Страг, — спросил наконец один из них. — А что это за перстень, из-за которого нас чуть не съел фиолетовый туман? Не брось матушка Чича свою свечу, мы, наверное, не отличались бы сейчас от Бандара!

— Ну что ж, перстня больше нет. Можно и рассказать о нем, — вздохнул Страг, поднимая голову. Он кивком попросил Филию еще раз наполнить бокал и начал рассказ.

— Помните, друзья, что меня как-то не было в Лахи пару дней? Вы меня тогда обыскались. Это было год назад, а потом я вернулся, а мой друг Бандар — исчез.

— Помним, Страг, — ответили воровы. — Ты нам так и не объяснил своего исчезновения!

— Ну, стало быть, объясню сейчас. Есть в Лахи один дом, который я обхожу стороной...

— Да и не один! — усмехнулся вор, сидевший в конце стола. — И в тюрьму мы не торопимся, и во дворец лахийского тожа, который правит нашим вольным городом. И в казармы стражников не спешим!

Начальник воров резко стукнул кулаком по столу:

— Не перебивай, Хмырь! Ты знаешь, что я не робкого десятка. Во дворце тожа мы побывали трижды, из тюрьмы я сам тебя вытащил, а надо будет, и в казармы зайду!

— Прости! — тут же поспешил принести извинения вор. — Видно, колдунские чары еще действуют, башка тупит!

Страг помолчал, обвел глазами сидящих товарищей. Выражения лиц воров его успокоило, никто больше не смел подвергать сомнению его смелость.

— Не будь ослом! — сказал он Хмырю, но эти слова предназначались всем сидящим. — Матушка Чича своими бальзамами и заговорами ставит вас на ноги, даже если получены смертельные раны! Ни один лекарь в Лахи не сможет это повторить! Почему?

— Колдунья, — тихо проговорил Хмырь. — То есть волшебница!

— Вот то-то! — согласился Страг. — Есть вещи, в которые не надо соваться, если ничего в них не смыслишь. Или ты забыл фиолетовый туман?

Хмырь вздрогнул, вновь ощутив холодок смертельного ужаса.

— Так вот, — продолжал Страг. — Есть в Лахи один дом, который я обхожу стороной. Но так было не всегда. Однажды этот домишко на морском берегу привлек мое внимание. Живет там один старик, по виду — доходяга вроде Невезушки. Кнутом стегнешь — пополам перерубишь. Этот старик редко выходит из дому, а на рынок да за водой обычно ходят его слуги. То есть один слуга.

Я осторожно порасспросил соседей, хотя их и соседями-то трудно назвать, поблизости нет дру-

гих домов, поговорил с торговками на рынке, сам понаблюдая за домом несколько дней и ночей. И узнал, что живет там ученый, который держит слугу. Только слуги у него что ни год, то меняются, а то и чаще.

Когда слуги нет, ему самому приходится ходить за продуктами, тогда он подыскивает себе нового. Но интересно, что прежних слуг никто больше никогда не встречает!

Страг произнес эти слова с теми нотками в голосе, что напоминают о балаганных трагиках, но никто из воров даже не улыбнулся. Им был знаком порывистый характер предводителя, и вору не хотели пробуждать в нем злобу.

Тот продолжал:

— В слуги он обычно берет сирот, как я позже узнал. Однажды ночью я дежурил возле дома старика. Честно скажу, что, бывало, эти ночные бдения давались мне нелегко. Иногда я видел в пробивавшийся сквозь щели в ставнях яркий изумрудный свет, тогда из дома доносился рев какого-то животного, и я не хотел бы видеть эту тварь, которая может так жутко рычать. Скажу — не совру, иногда мне хотелось убежать. И все же я надеялся пожить чем-нибудь в этом доме, да и любопытство гнало меня туда каждую ночь. Так вот, я стоял, спрятавшись за стволом кипариса, и мерз на ветру, дувшем с севера. Мрачная была ночка. Я кутался в плащ, но все равно холод пробирал меня до самых костей.

Воры затаив дыхание слушали Страга. Блики огня играли на стенах комнаты, отчего история, которую рассказывал их вождь, звучала еще таинственней и страшнее. Матушка Чича примостилась в продавленном кресле у очага. Слышно было, как потрескивали горящие поленья да посапывал в углу раненый вор. Страг говорил негромко.

— Начался дождь, от которого плохо защищал плащ. Над морем разразилась гроза, казалось, мир раскалывается от ударов молний, сопровождавшихся громовыми раскатами. Я будто чувствовал, что произойдет нечто интересное, и не мог уйти, хотя становилось страшно. В эту ночь я увидел изумрудное свечение в щелях ставень. Я хотел подобраться поближе, но рык неведомого животного остановил меня. Сначала я даже не понял, что рычит кто-то в доме, мне казалось, что это гром гремит с таким ревом. Но когда я подошел

поближе, то ясно понял, что рычание раздается из оконных проемов на втором этаже дома.

Мне хотелось посмотреть, кто там рычит, но какой-то непонятный ужас сковал мои члены. Я остановился в двух шагах от дома и тут услышал вопль человека! В этом вопле было дикое страдание, я подумал, что ученый держит какого-то монстра и этот монстр сожрал его страшной ночью. Я бежал от дома, остановился в ближайшей таверне и остаток ночи пил вино.

Вино помогло мне забыться, но проснулся я рано. На улице вовсю светило встающее солнце, деревья и кусты, будто юные красотики, умытые с утра, сияли свежестью. Улицы были еще мокры от дождя, но ливень смыл с них дневную грязь, и они тоже смотрелись будто украшенные к празднику. Я подумал, что таким утром опасаться нечего, любопытство тянуло меня к дому старика-ученого, и ноги сами направились туда.

Море было тихим, при свете утра дом совсем не напоминал о страшной ночи, мне даже показалось, что я просто напился в таверне и все случившееся мне привиделось. Но разве бывают такие ясные сны?

Я также остановился у кипариса и раздумывал, что мне делать. Если монстр съел ученого, тогда, наверное, слуга должен был сообщить об этом стражникам, возле дома толпились бы люди. Но берег был пуст.

Я решил подождать, не выйдет ли кто из дома. И мое ожидание было вознаграждено, дверь открылась... Но на пороге оказался не слуга, а старик! Я вспомнил рассказы людей о том, что слуги часто меняются в доме старика, и пот прошиб мое тело. Не становятся ли слуги едой для монстра?

Вид старика не внушал опасений. Он шагал, слегка согнувшись, размахивая корзинкой в руке. Я спрятался, чтоб он меня не заметил, и подумал сначала, что нужно последовать за ним. Но любопытство пересилило, и, дождавшись, когда он скроется из вида, проскользнул к дому.

Замок подался на удивление легко, я вошел в темный коридор, из которого выходили проходы в помещения первого этажа, на второй вела узкая круглая лестница. Прямо в коридоре висело зеркало, что удивительно для бедного дома. Я вздрогнул, увидев свое отражение, потому что мне на секунду показалось, что это кто-то другой. И еще я обратил внимание, что отражение будто засты-

ло ненадолго. Я присмотрелся, но тут оно словно оттаяло и стало обычным отражением.

Я попытался пройти по лестнице, но — удивительное дело! — не мог этого сделать. Проход будто загораживала невидимая стена. То же повторилось и с проходами в помещения первого этажа. Войдя в дом, я не мог передвигаться по нему!

Неожиданно пришла мысль, что это ловушка. Что дом, впустив меня, больше не выпустит, и я кинулся к входной двери.

К счастью, я ошибся. Дверь отворилась, и я оказался на улице. Вскоре, стоя под кипарисом, я обдумывал дальнейшие действия. Когда показался старик, тащивший корзинку, наполненную продуктами с базара, я уже знал, что благоразумие не удержит меня. Я решил наняться в слуги, будь хозяин даже колдун. До этого момента мое счастье никогда мне не изменяло, надеялся я на него и впредь. Слава Урагу, глава Воровской лиги может справиться со своим страхом!

Страг будто подбодрил себя этими словами, чтобы продолжать рассказ.

— Слава Урагу! — прошептали вору.

— Дав старику пройти, я отправился за ним. Вскоре я уже стучался в двери его дома. Старик отворил мне сам. Внимательно посмотрев на меня, он сказал:

— Зачем ты пришел опять?

— Его звали Донкранк Фир, приличному человеку и не выговорить, — сплюнул Страг. — Честно говоря, меня до сих пор в дрожь бросает, когда я вспоминаю его бледную морщинистую рожу. Поначалу он кажется даже благообразным, эдакий ученый не от мира сего. Потом-то я понял, что он и вправду не от этого мира. В общем, я бы не хотел с ним снова встречаться. Слава Урагу, хранит он меня от такой встречи, а то не знаю, чем бы она завершилась. Но Лахи — город большой.

Так вот, он меня будто просверлил взглядом, и мне захотелось съездить и убежать. Старик спросил, зачем я пришел опять.

— Вы, наверное, спутали меня с кем-то, господин! — соврал я. — Я у вас еще не был.

Он посмотрел на меня внимательно, усмехнулся:

— Ну-ну, не был, говоришь? Тогда заходи.

Он пошел в один из боковых проходов, я за ним. Проходик узкий, сухошавый хозяин дома шел по нему свободно, а я задевал стены плечами

и пониже пригибал голову, чтоб не стукнуться о балки потолка.

Он ввел меня в комнату с таким же низким потолком. Обычная комната, ничего в ней не было, стол, кресло, два табурета. Может, он там только гостей низкого звания принимал да обедал, поскольку сквозь другую дверь видна была кухня с очагом. Стены и пол комнаты были довольно грязны, а в кухне — еще грязнее. Видно, что в этом доме не было такой хозяйки, как матушка Чича, которая натирает дубовые плахи песком, пусть не часто, но все ж гостей принять не стыдно.

— Чего ты хочешь? — спросил ученый.

— Я ищу место, — сказал я. — Так вышло, что остался без работы и без гроша в кармане. Прослышал о том, что вы здесь один живете, подумал, может, вам нужен слуга.

— Слуга мне и вправду нужен, — задумчиво проговорил хозяин. — Да только не знаю, подойдешь ли ты мне. Ты уже не молод, наверное, семья есть, дети. А?

— Нет, господин, у меня нет ни жены, ни детей. Только старая мать.

— Вот видишь, я бы предпочел сироту. Да и помладше тебя. Ведь много платить я не смогу, а кроме того, ты будешь часто просить, чтоб я отпускал тебя к матери...

Я стал горячо убеждать его взять меня, уж очень любопытно мне стало, что в этом доме происходит. Говорил, что часто отпрашиваться не буду, что мне одному больших денег и не требуется, лишь бы кормил да одевал. Говорил, что устал один сражаться с бедностью и давно мечтал о добром хозяине, который мог бы руководить моей жизнью, взяв на себя мои заботы, а я бы уж отплатил ему вечной благодарностью.

А он все это время, пока я плел турусы на колесах, смотрел на меня, прищурившись, будто мысли читал. А потом говорит:

— Хорошо. Вот тебе первое задание. Ночью я проводил научные опыты в своей лаборатории на втором этаже. После этого там нужно убрать, подмести, вымыть пол и стены. Сделай это, я посмотрю, насколько ты готов к такой работе. А потом обсудим условия.

Что-то неладное мне почудилось в его словах, захотелось выскочить из этого дома и бежать. Но какая-то неведомая сила, которой я не мог сопротивляться, уже тянула меня за стариком на

лестницу. Сейчас я думаю, убежать мне бы и не удалось, он уже решил, что со мной делать.

Никакой прозрачной стены перед лестницей я не ощутил, хотя утром не мог и на шаг туда сунуться. Лестница была довольно крутой, а ступени не производили впечатление прочных, так — легкие досочки, державшиеся на честном слове. Некоторые даже прогнили, но, на удивление, они даже не прогибались под моим весом, будто какая-то магическая сила их укрепляла.

Лаборатория старика занимала весь второй этаж. По стенам стояли шкафы с открытыми полками, на которых я разглядел бутылки всяческих форм с разноцветными веществами. Посреди лаборатории стоял широкий стол, на котором большой стеклянный шар соединялся трубочками с такими же, как на полках, бутылками.

Ставни были закрыты, сквозь щели пробивались тонкие лучи света. Они так слабо освещали комнату, что я не мог видеть, что творится в углах. Я сделал несколько шагов к окну, чтобы раскрыть ставни, но поскользнулся на какой-то гадости и грохнулся прямо на пол, ударившись головой. Мне показалось, что я наступил на скользкую лягушку, чавкнувшую под моим башмаком.

— Ах, бедный мальчик! — проговорил хозяин, но не с сочувствием, а с иронией в голосе. — Здесь надо ступать осторожно, я же предупредил тебя, что комната требует уборки!

Я поднялся на ноги, осторожно дошел до окна и распахнул ставни. Солнечный свет ворвался в лабораторию, я обернулся и краем глаза успел заметить, как куски какой-то слизи, покрывавшие пол и стены, особенно в одном из углов, отделенных от лаборатории загоном из легких досок, тают, сжимаются, когда свет попадает на них. Видно, из-за этой слизи я и не удержался на ногах.

Слизь превращалась в пыль. В тех местах, куда не попадали солнечные лучи, она еще поблескивала на стенах, но я открыл ставни других окон, и вскоре в лаборатории стало сухо.

— Молодец, мальчик! — похвалил хозяин. — Возьми в углу метелку, ведро и тряпки. И за работу.

И он ушел, осторожно неся по ступеням лестницы дряхлое тело.

Уборка не заняла много времени, хотя, скажу вам, ребята, там стояла такая вонь, что любая клоака покажется райским местом. Осо-

бенно воняло в том углу, где было много слизи. В этом загончике будто грязную свинью держали. Я взялся выметать солому, которая покрывала в нем пол, и увидел на полу полустертые магические символы, написанные вдоль окружности. Тогда-то я понял, что попал в дом к магу, а не к простому ученому. Мне стало страшно. С одной стороны, хозяин вроде не собирался мне делать ничего плохого, да и его тщедушная фигурка не вызывала опасений. С другой, хоть я уже и побывал в двух комнатах, но не заметил ничего, что бы мне захотелось унести с собой. Конечно, может, у него и припрятан где-то сундук с золотом, а с другой стороны, не заплатишь ли за его поиски головой?

Вымыл я эту комнату, несколько раз пришлось ходить к колодцу за свежей водой. И стенки в загончике оттер от пыли. Хотел было протереть склянки на полках, но тут появился хозяин.

— Достаточно! — сказал он властно. — Ты хорошо справился с работой, за это я тебя награжу.

Что-то не понравилось мне в его тоне, и лицо было еще бледнее, но я продолжал играть протачка:

— Стало быть, примете меня к себе в услужение?

Старик посмотрел на меня внимательно, без улыбки, и спросил:

— Так все же скажи мне, зачем ты приходишь утром в дом Донкранка Фира? И не лги, мое зеркало показало мне твой портрет!

Тон его стал злым. Я понял, что отпираться бессмысленно, но не говорить же правду!

— Я хотел найти место слуги...

— Нанимаясь в услужение, не вскрывают замки у будущего хозяина! — перебил он.

— Простите, господин, я просто хотел узнать, богат ли ваш дом и сможет ли его хозяин держать слугу! — закричал я.

Мерзкий чародей рассмеялся:

— Хорошо, мальчик! — сказал он. — Я верю в то, что ты хотел посмотреть, богат ли этот дом. Ты увидел что хотел? Считаю, что я тебя простил. Ты отработал и вскрытый замок, и свою наглуемую ложь. За это я сохраню тебе жизнь.

Говоря это, он взял с полки одну из бутылей с желтой, словно светлое пиво, жидкостью.

Тут, ребята, я испугался еще больше. Я понял, что старик хочет мне отомстить. Он пообещал

мне жизнь, но что он со мной сделает? Может, решил я, он лишит меня разума, а потом скормит какой-нибудь мерзкой твари, что испускала слизь, убранный мной. Я кинулся на него, намереваясь столкнуть с лестницы и вылететь на улицу, но он меня опередил.

Стоило мне дернуться, как он плеснул мне на ноги жидкость из бутылки, и я почувствовал, как мои ноги скручиваются, подгибаются и уносят меня в какую-то туманную даль, откуда ветер несет песок, засыпающий мне глаза. Старик при этом шептал свои заклинания, но голос его становился все тише. А меня уносило неведомо куда. Я почувствовал, будто тело мое вытягивается, скручивается жгутом. Никогда не переживал ничего подобного. Сначала было больно, но потом эта боль стала какой-то сладкой, в ушах зазвучала странная музыка, ритмичная, будто исполняемая на каких-то железных инструментах, а я растворялся в этой музыке. Потом мне показалось, что мое тело распалось на мелкие частички, которые ветер развеял по разным сторонам...

Я очнулся посреди песчаной пустыни. Болела голова, рот был полон песка. Нешадно светило солнце. Отплевавшись, я поднялся на ноги, еще дрожащие после манипуляций старика. Насколько хватало глаз, во все стороны расстились песчаные дали. Как вспомню, сразу в горле пересыхает. Филия, девочка, плесни-ка мне винца!

Сгинул бы я в этой пустыне, наверное, в тот же день. Жара, иду вперед, а сам не знаю, где он, этот перед. Башку так напекло, что уже сознание теряю. Пить хочется, а воды — ни капли. И вот, когда я уже собирался лечь и помереть, проклятая старикашка Донкранка, который жизнь сохранил, да ненадолго, показался вдалеке путник.

Шел он в мою сторону, но у меня сил уже не было, я просто сел на песок и стал его ждать.

Вскоре я разглядел невысокого лысого деда в лохмотьях. Его кожа, торчавшая из дыр какой-то туники, была загорелая, будто у негра. Видать, или жил этот дед в жарких странах, или по пустыне шатался уже долго. И что поразительно, его плешистую голову солнце словно не пекло. Шагал он довольно бодро, опираясь на посох.

Дед подошел ко мне, а я в знак приветствия только головой мотнул да промычал чего-то. Он все сразу понял, достал бурдюк из заплечного мешка и дал мне напиться.

Я поблагодарил, говорю:

— А сам ты, дедушка, что не пьешь?

— Не беспокойся, мне не много надо! — ответил дед.

Тут он положил ладонь, более грубую, чем у наших портовых грузчиков, на мою голову, и я ощутил, будто силы вливаются ко мне через эту ладонь. Тело мое было иссушено пустынной жарой, а я вдруг почувствовал себя так, будто искупался в пресном озере.

— Пойдем, — сказал дед. — Тут не надо сидеть на месте, а то быстро найдут.

— Кто найдет?

— Пустынные колдуны! Да ты погоди об этом думать, о себе расскажи.

Я рассказал ему свою историю, приукрасил, конечно. О том, что хотел обворовать Донкранка, не упомянул. Наплел деду, что, мол, вправду хотел в услужение наняться.

Дед молча слушал, пока мы не спеша шагали по пустыне, а когда я закончил рассказ, посмотрел на меня долгим взглядом и говорит:

— Ты не все мне рассказал, да и не надо. Я и так вижу, что ты вор, но честный человек.

Я не знал, что и ответить на эти слова. Как вор может быть честным? Он словно мысли мои прочитал. Говорит:

— Может, может вор быть честным, если товарищей не предает, если матери в помощи не отказывает, если обещания выполняет.

Я тогда решил замять эту тему, хоть и очень мне понравились его слова. Попросил его рассказать о себе, а он все куце отвечал, таил что-то. Сказал, что путешествует по пустыне из-за какого-то обмана. Я так понял, что его в ловушку хотели заманить. Мы разговаривали, как вдруг поднялся сильный ветер. Песок стал сечь глаза, пришлось прикрывать лицо, наматывая на голову одежду. На горизонте показалась черная точка.

— Плохо нам придется! — закричал дед. — Меня выследили! Я помогу тебе, но ты должен сделать для меня кое-что!

— Кто выследил? Это просто пустынный ветер! — прокричал я в ответ.

— Нет! С таким ветром путешествуют пустынные колдуны!

Черная точка стремительно приближалась к нам. Я увидел, что это был серый гриф, огромный, он размахнул крылья метра на два. Вокруг лысой головы зловещим ожерельем торчали перья. Гриф окружил над нами, издал какой-то

жуткий клеток и, развернувшись, полетел назад. Ветер тут же поменял направление, а вскоре, когда гриф удалился из поля зрения, вовсе стих.

— Это не просто птица, — сказал мне дед. — Это разведка пустынных колдунов. Вскоре они сюда пожалуют толпой, и тебе лучше с ними не встречаться.

— Куда же я спрячусь? — спросил я. Вся эта история стала нравиться мне все меньше. Только встретил деда, который, казалось, мог меня вывести к людям, неведомым образом давая мне силы, как этот спаситель хочет со мной расстаться. Я начал упрашивать его не оставлять меня, но дед прервал мои просьбы:

— Я же сказал, что помогу тебе! Их много, их очень много, поэтому у меня не хватит сил с ними справиться. Но моя жизнь — ничто по сравнению с вещью, которую они хотят заполучить. Им нужен перстень! — сказав это, старик снял со своего пальца перстень, который походил на обыкновенную железку со стеклом. — Ты обязательно должен сохранить его. Вручая его в твои руки, я использую остатки своих сил на то, чтобы дать тебе защиту от колдунов. Сами они не смогут забрать у тебя перстень. Это дает мне надежду, что прежде, чем они, к тебе придут другие, которым ты сможешь его отдать.

— А как я их узнаю?

— Узнаешь! — сказал старик. — Ты не глупый парень и сумеешь отличить добро от зла. Другие напомнят тебе меня. И они смогут взять перстень. Но знай, что моя защита не спасет тебя от людей. А это значит, что перстень у тебя смогут украсть. Я верю в то, что ты его не выбросишь, не продашь, тем более что никто из людей не сможет оценить его. Но попробуй сохранить его и от глупцов, которые смогут на него позариться. Перстень еще спит. Чтобы его разбудить, его нужно искупать в слезах Итрари, которая плачет лишь раз в году, и в Кахосс стекаются паломники, чтоб видеть эти слезы, прикоснуться к ним и исцелиться. Ты этого не делай, просто храни его.

Пока старик говорил, снова стал подниматься ветер, и ясно было, что предыдущий ураган — лишь слабый ветерок в сравнении с тем, что шел по пустыне сейчас. Солнце уже садилось, сумерки сгустились над этим мрачным местом.

Почувствовав ветер, старик сказал:

— Прощай, больше нет времени разговаривать. Сейчас ты будешь дома!

Не поверите, он своими худыми руками поднял меня, как сухой деревянный кол, и швырнул прочь! Не успел я подумать, что или дед или я сошли с ума, как ударился оземь. Но не на песок я упал, а на траву, неподалеку от стен Лахи! И на этот раз не скручивался жгутом и музыки никакой не слышал. Я вскочил и побежал домой, мне хватило чародейства за последнее время. Хотелось только бухнуться поскорее на топчан в доме матушки Чичи и отлеживаться, стараясь забыть и о Донкранке Фире, и о старике волшебнике, и о пустынных колдунах, которых я так и не увидел. Но забыть обо всем этом мне не давал перстень, украшавший указательный палец на правой руке. Я хотел было его спрятать, но не успел.

Для моего воспаленного мозга все эти приключения оказались слишком жуткими, я начал накачиваться вином. Три дня я пил вместе с Бандаром, а проснувшись наутро четвертого дня, не увидел ни перстня, ни Бандара.

Страг замолчал. Воры не прерывали его молчание, не зная, верить или нет услышанной истории. Конечно, много странного они услышали, но Страг не походил на человека, который бы стал рассказывать то, чего не было.

— А ты не пытался отомстить Донкранку Фире? — прервал наконец молчание Хмырь.

— Нет, — помотал головой Страг. — Я не хочу больше глотать песок в пустыне. Так что, ребята, давайте-ка забудем о колдунах, пока они о нас не вспоминают, и будем зарабатывать свой хлеб нашим древним благородным ремеслом, потроша кошельки матросов да купцов!

Огонь в камине догорел, пока Страг рассказывал свою историю. Филия, как и воры, слушала и совсем забыла подбросить дрова, матушка Чича задремала, свесив нос над чашкой.

Все вздрогнули, когда тишину прорезал крик с топчана:

— Страг! Он убил моего брата!

— Знаю, Невезушка, знаю! — ответил Страг. — Не переживай, твой брат уже отомщен. Давайте, ребята, пойдем. Нам надо проводить в последний путь и честного вора, и предателя.

Откуда-то из темноты, окружившей его плотным густым туманом, еле слышно стали доноситься звуки. Будто сквозь вату Ашура слышал голос:

— Принц! Принц, ты жив? Мы победили тигра!

Сознание стало постепенно возвращаться к Ашуре. С трудом, медленно, но он припомнил, как сражался с огромным тигром, какого доселе никогда не видали в здешних местах. Припомнил, как вонзилось острое лезвие его катара в полосатое тело, как грозное животное придавило его своей тушей, словно каменная глыба, и Ашура уже готовился отправиться в объятия Идры, но чье-то копьё, вовремя подставленное, спасло его жизнь.

Принц разлепил веки. Перед ним стоял юноша в простой белой одежде, перепачканной кровью хищника.

— Ты кто? — спросил Ашура слабым голосом.

— Ты не узнал меня, принц? — спросил юноша.

— Меня зовут Дараям, я ученик верховного жреца Идры.

Принц осторожно помотал головой и попытался приподняться. Юноша помог ему сесть.

— Это ты спас меня?

— Идру благодари, — ответил Дараям. — Ты можешь идти?

Принц поднялся на ноги, перед ним лежала таялая туша убитого тигра. Шерсть красиво блестела и переливалась при свете солнечных лучей. Тигр лежал в той же позе, в какой его застигла смерть, — вытянув лапы в прыжке. Ашура измерил его взглядом, тигр казался раза в полтора больше самого принца.

— Нет сомнений, я бы погиб в его когтях, если бы не ты. Спасибо, Дараям! — сказал принц.

Он подошел к убитому и вытащил застрявший в теле катар. Видимо, теряя сознание, Ашура выпустил его из руки. Очистив катар от травы, принц убрал его.

В это время юноша, спасший принца, занимался своим копьём, выдернув его из раны. Он обтирал древко сорванным пучком травы. Вдали послышались голоса товарищей Ашуры, звавших его. Принц ответил и, пока товарищи пробирались сквозь плотные ветви баньяна, спросил Дараяма:

— Как ты здесь оказался? Что за счастливый случай привел тебя сюда?

— Не столько счастливый случай, сколько воля Девдаса, — почтительно ответил юноша. — Он хочет видеть тебя.

Ашура удивился:

— Что требуется от меня верховному жрецу? Но в любом случае я принесу ему свою благо-

дарность за то, что он так вовремя отправил тебя в лес.

Из листвы один за другим выныривали приближенные принца. С удивлением они увидели лежащего тигра, и вопли одновременно восторга и ужаса огласили лес.

— Слава принцу Ашуре, покорителю тигров! — прокричал один из приближенных, и остальные подхватили этот крик.

Дараям стоял молча, принц бросил взгляд на его лицо, и прирожденная честность не позволила ему приписать славную победу себе.

— Слава храброму юноше, что вовремя подставил свое копьё, убившее страшного хищника! — сказал он и напустился на товарищей. — А вот вас не оказалось рядом в трудную минуту! Вы любите только развлекаться, вам бы зайцев погонять по равнине, когда мне угрожает смертельная опасность! Если бы не Дараям, тигр уже глодал бы мои кости, пока вы спохватились бы!

Приближенные стояли, виновато опустив головы.

— Прости, принц!

Ашура осознавал, что напрасно отругал их, ведь он сам последовал в заросли за прекрасным оленем, не сказав ни слова товарищам. Но признать свою неправоту и в этом случае значило бы уронить авторитет царской власти.

— Ладно, я не скажу царю о том, как вы хранили мою жизнь! — милостиво сказал Ашура. — Призовите загонщиков, пусть снимут шкуру с этого страшилища, я пообещал ее Идре!

Ашура поманил за собой своего спасителя и направился прочь из леса, туда, где один из товарищей принца держал в поводу его коня. Конь Дараяма, пасшийся на равнине, завидев хозяина, радостно заржал и подскочил к нему.

Ашура и юноша поехали бок о бок к городу. Теперь принц припомнил, что уже не раз видел Дараяма во время праздников, посвященных Идре, а также, когда верховный жрец Идры Девдас приходил по каким-либо надобностям в царский дворец. В этих случаях жреца часто сопровождал его ученик Дараям.

— Расскажи, что заставило верховного жреца искать меня? — обратился Ашура к юноше.

— Великое горе, принц, — грустно ответил Дараям. — Отправляясь на охоту, ты случайно сбил с ног бахмачари. Теперь Хостинпуру грозят бесчисленные беды!

— Что? — воскликнул опечаленный принц. — Так тот нищий странник был бахмачари? Но он еще жив?

— Да, — сказал Дараям. — Девдас молит Идру о том, чтобы тонкая ниточка, еще привязывающая его к миру, не оборвалась.

Принц ехал, печально опустив голову. Юноша не решался прервать его размышления. А печалиться было о чем.

Бахмачари — так издавна назывались люди, уходившие в леса, чтобы там в тиши заниматься исследованием духовной стороны существования. Проводя жизнь в лишениях, отказывая себе во всем, что считалось необходимым для обычного человека, они достигали великих вершин духа. Многие из них давали обет молчания, но, похоже, за это получали дар читать чужие мысли. Питались бахмачари лишь плодами лесных деревьев, основу их редких трапез составляли орехи и плоды, причем не сорванные с ветвей, а поднятые с земли. Эти святые люди брали и у лесных деревьев лишь то, что те сбросили со своих веток сами.

Жили бахмачари в лесных хижинах, собственноручно построенных из сухих тонких стволов погибших деревьев или, поближе к горам, в пещерах, а то и в ямах. Их жилища не защищали своих хозяев ни от холода, ни от дождей. Постелью служила связка соломы или же просто земля.

Но такая жизнь давала им возможность далеко продвигаться в изучении божественных путей, они прозревали будущее, умели лечить людей от самых странных болезней. Даже дикие звери не трогали бахмачари, не видя в них угрозы своему существованию. Лесные хищники и сами становились кроткими в их присутствии, люди рассказывали о святых, возле хижин которых мирно играли львы и олени.

Принцу Ашуре ни разу в жизни не доводилось еще встречать бахмачари, и он был очень огорчен тем, что встреча произошла таким образом. Тем более что предки Ашуры однажды провинились перед святыми. Еще его прадед в поисках богов, которые в обмен на поклонение им дадут ему богатство и власть, повелел забыть Идру и изгнал бахмачари из Хостинпура. Но иные боги, чьи изображения воцарились в храмах, оказались лжецами. Поманив призрачным блеском золота, они не исполни-

ли надежд царя. Хостинпур оказался в руках врагов.

Царю пришлось признать свою ошибку, он сам отправился в далекие предгорья, куда удалились бахмачари и, стоя на коленях, умолял святых вернуться и не оставить своей защитой Хостинпур. Бахмачари не помнили зла, однако так уж устроен мир, что зло нелегко исправляется. И все же они вернулись, и тогда Хостинпуру удалось вновь занять подобающее место в этом мире. На это ушли годы, вновь наступили благословенные времена, и за это цари Хостинпура прославляли милость Идры и славил бахмачари, которые вновь разошлись по укромным уголкам царства.

Ашура привык думать, как научил его отец, что бахмачари своими молитвами хранят царство не в меньшей степени, чем славные воины. Обидеть этих старцев считалось величайшим грехом.

— Что теперь будет? — спросил принц ученика жреца. — Как мне искупить свою вину перед святым старцем?

Дараям пожал плечами:

— Не знаю, принц! Надеюсь, что об этом знает верховный жрец, иначе не отправил бы меня к тебе. Наверное, что-то можно сделать, раз он хочет тебя видеть.

— Молю об этом Идру, — вздохнул Ашура. Он надеялся, что зло, причиненное случайно, не будет богами засчитано как ужасное намерение.

Всадники припустили коней, когда вдали показались зубчатые стены цитадели Хостинпура. Вскоре они разглядели флаги и вымпелы на башнях, стрелков под флагами.

Город так же суетливо шумел, как и в час отъезда принца. Ашура понял, что за стенами дворца только он и Дараям знали о грустном событии.

Обычная жизнь царя и в стенах цитадели. Неторопливо шествовали сановники, опытные воины обучали молодых биться на мечах, кидать копья, стрелять из лука в цель. По своим делам спешили кухонные рабочие, таща поварам тушки цыплят и поросят, гусей и овец. Во дворце жило немало людей, и за царским обедом собирались сотни гостей. Изготовители цветочных гирлянд сидели, скрестив ноги, под навесами и плели венки для украшения комнат и залов дворца, водоносы толпились у колодцев, стражники, сменяя друг друга, чеканили шаг по каменным плитам, из которых были выложены проходы во дворце, напоминавшем небольшой город. Отдельной

группкой стояли и сидели актеры и сказители, жонглеры и акробаты, танцоры и певцы, которые готовились развлекать гостей за обедом. По дворцу сновали другие многочисленные слуги.

Не спешиваясь, Ашура и Дараям проехали к храму Идры, возвышавшемуся на мощных плитах справа от дворца.

— Может, сначала зайти к отцу? — спросил принц.

— Тебе решать! Но верховный жрец просил прибыть скорее, — ответил Дараям.

— Тогда поспешим узнать, жив ли бахмачари, что так неосторожно бросился под копыта моего коня.

Глава третья

Береговая линия сливалась с морем, и рассмотреть границу, их разделявшую, можно было с трудом. Лодки, небольшие парусные суда — фелуки, стояли, покачиваясь, у причалов, море баюкало их, давая отдых в последние предраусветные часы. Дальше, на рейде, в неясном лунном свете, то и дело терявшемся в облаках, стояли более крупные корабли. Гавань Лахи не могла вместить всех желающих.

Человек в сером плаще почти на ощупь пробирался к одной из фелук. На ней не спали. По палубе, переваливаясь на кривых ногах, расхаживал толстый капитан. Его длинные бакенбарды трепал ветерок.

Увидев человека в плаще, старый моряк проворчал:

— Ты задержался!

— Мне самому решать, когда лучше покинуть порт! Я заплатил тебе немало за короткую перевозку! — резко ответил человек, но затем смягчился. — Меня задержали, пришлось немного побеседовать с лахийскими ворами!

Капитан забеспокоился:

— Ты помнишь, что пока дал только часть условленной суммы? Осталось ли у тебя что-нибудь после этой беседы?

— Не волнуйся! — ответил пассажир. Он достал из складок плаща мешочек с монетами, мелодично звякнувшими, когда человек потряс мешочком перед лицом капитана. — Отчаливаем.

Довольно резво для своего веса капитан побегал будить команду — трех матросов, с кото-

рыми они вместе много лет бороздили южные моря. Видно, пассажир действительно пообещал щедрую плату, если толстяк сам решил стоять на вахте.

Вскоре матросы оказались наверху, а пассажир, напротив, удалился в сопровождении капитана в каюту.

— Располагайся, как тебе будет удобно, — предложил капитан, сделав жест рукой, означавший, что любая из трех коек находится в распоряжении гостя. — Можешь скинуть плащ, наверное, в нем не очень удобно спать.

Капитан покосился на пассажира, ожидая, что тот последует его совету. Во время всех переговоров морскому волку так и не удалось разглядеть лицо, скрытое капюшоном.

— Не нужно, — сухо ответил пассажир. — Через три часа мы должны быть на месте. До этого времени не беспокой меня.

Капитан был вынужден удалиться, плотно прикрыв за собой жалобно скрипнувшую дверь. Пассажир расположился на одной из коек и закрыл глаза, предаваясь отдыху.

Распустив паруса, фелука вышла из гавани, не потревожив покой других судов, еще дремавших на волнах. Темнота не пугала капитана, он мог бы провести здесь свой корабль даже с закрытыми глазами. На этой фелуке он путешествовал по островам и городам побережья, добираясь до самого Кахосса, где гигантская статуя Итрари раз в год роняла слезы.

Сейчас путь был не таким далеким, как путешествие в Кахосс. Станный пассажир, прошлым утром появившийся на причале, просил довести его только до пустынного острова Лого. На скалистом острове не было жителей, в его бухту редко заходили корабли. Пресной водой тоже лучше было заправляться в других местах. Единственный источник, вода которого ручейком спускалась к морю, выглядел красиво в обрамлении камней. Но светлая и приятная на вид вода была горька на вкус. Те, кто ее пробовал, маялись потом животами дня по три.

Капитан был удивлен странным пожеланием человека в плаще оказаться на пустынном острове. Однако золотые монеты развеяли его сомнения.

Стоя на палубе, он прислушивался к разговору матросов, чesавших языки.

— Не нравится мне этот монах, — говорил один,

сплевывая. — Зря старик пошел у него на поводу.

— А кушать и тебе, и мне нравится, — посмеивался другой. — Да и давненько мы не навещали наших птишек, заждались, наверное. Глядишь, и позабудут нас, забавляясь в объятиях других моряков, в чьих карманах почаще звенят монеты.

— По мне, так и птишек не надо, лишь бы подальше от таких заказчиков. Вот скажи, что доброму человеку может потребоваться на острове Лого?

— А может, у него запор! — громко расхохотался третий моряк, стоявший у штурвала. — Вот и захотелось попить волшебной водички! А ты, Грига, стареешь, раз готов отказаться от горячих лахийских девчонок!

— Не знаю, не знаю, — не сдавался Грига. — Не нравится он мне, и все тут.

Капитан цыкнул на разболтавшихся матросов. Как бы ни беспокоил моряков пассажир, дорога предстояла недолгая.

Фелука шла к острову на всех парусах, и вскоре моряки увидели вынырнувшие из облаков вершины скал Лого, четко вырисовывавшиеся на фоне рассветного неба...

Когда судно причалило, человек в плаще, ни слова не говоря, прыгнул на берег и быстро пошел к видневшейся гряде камней, которая вела к высокой скале.

— Эй! — крикнул капитан. — Сколько нам тебя ждать?

Монах только махнул рукой. Его поведение не понравилось капитану, он закричал громче:

— Сколько нам ждать? Когда ты заплатишь?

— Скоро! — крикнул в ответ пассажир на ходу.

Человек в плаще быстро добрался до скалы и стал подниматься по ней, используя неровности. Он легко цеплялся пальцами за выступы и подтягивался на руках, отталкиваясь ногами от любой нащупанной опоры. Достигнув выдающегося вперед выступа, представлявшего собой площадку примерно на середине высоты горы, монах остановился передохнуть. Он повернулся в сторону моря и стал делать какие-то пассы руками.

— Что он делает? — забеспокоился Грига. — Капитан, нам пора сваливать.

Капитан и сам забеспокоился.

— Эй, ты! — заорал он. — Ты что, спятил? Заплати нам и маши руками сколько влезет!

Вдруг резко подул сильный ветер, плащ монаха стал развеиваться, словно злоеющее серое зна-

мя. Монах прекратил размахивать руками и, взглянув на моряков, расхохотался:

— Значит, у меня запор? Пусть так, но как бы вас не настигло что-либо более серьезное! Убирайтесь, дураки, если хотите остаться в живых.

— Капитан, сматываемся! — закричал Грига и побежал к фелуке. За ним припустили другие матросы.

— Нет! — зло прокричал капитан. — Он должен мне заплатить!

Моряк кинулся по каменной гряде вслед за странным монахом. Но тот уже взбирался вверх по скале. Снизу он казался серой кошкой, цепляющейся когтями за кору дерева.

— Капитан, вернись! — звали матросы морского волка.

Ветер еще усилился, капитан подбежал к скале и, поняв, что не сможет на нее забраться, стал лупить ее кулаками в бессильной злобе.

— Жизнь дороже, — рывкнул Грига. — Идет шторм.

Монах стоял на вершине скалы, вытянув руки, будто посылавшие ветер. Но волны бушевали только у острова, чуть дальше вода продолжала оставаться относительно спокойной. Моряки надеялись на спасение в открытом море и потому быстро отчалили. Кинув прощальный взгляд на вершину скалы, они увидели, как монах вдруг вытянулся, его очертания стали расплывчатыми, но тело снова уплотнилось, меняя форму. С силой оттолкнувшись от скалы, по ветру понеслась огромная птица с серыми крыльями.

Пролетая над фелукой, она издала злобный клекот, словно хохоча над незавидной участью моряков, и в ту же минуту сильнейший порыв ветра бросил фелуку на риф, торчавший из воды. Затрещали доски, судно треснуло и раскололось.

Донкранк Фир с неподобающей его возрасту суетливостью носился по лаборатории, доставая бутылки и склянки с полок, смешивая их содержимое в большом стеклянном шаре, стоявшем на столе посреди комнаты.

Бутылки не возвращались на полки, а тут же на столе выстраивались в шеренги, словно солдаты на торжественном параде. Время от времени они жалобно звякали, но колдун не обращал на эти звуки никакого внимания.

— А если ускорить реакцию, — бормотал он себе

под нос. — А если ускорить ее за счет увеличения собственной скорости, то удастся покопаться глубже. Как знать, как знать, может, именно там находятся всемогущие существа, которых у меня получится подчинить... Скорее, еще скорее!

Бутыли поворачивались над стеклянным шаром вверх дном. Света в лаборатории не было, но от смеси исходило призрачное розоватое свечение, в бликах которого тонули углы комнаты.

— Последняя капля! — провозгласил Донкранк, вливая в шар чуточку густой жидкости апельсинового цвета.

Как только капля упала, шар завибрировал, из него сначала тонкой струйкой, а затем столбом повалил дым, устремившийся по комнате. Упираясь в потолок, столб дыма словно ломался о преграду и устремлялся в сторону. То же происходило и когда он наткнулся на стены. Вскоре лаборатория оказалась пересеченной дымовыми лучами.

Донкранк схватил со стола кусочек мела и бросился в отгороженный угол комнаты. Неожиданно по дороге он споткнулся и упал, громко ругнувшись!

— Не гневайтесь, господин! — тонким голосом пропищал мальчишка, о которого споткнулся колдун.

Донкранк довольно ловко вскочил на ноги и прикрикнул на пацана:

— Я же сказал тебе не мешать!

— Господин, мне страшно! — заверещал мальчишка.

— Ерунда! — оборвал его писк волшебник.

Столб дыма, оттолкнувшись от противоположной стены, устремился прямо к мальчишке. Вскрикнув, он отпрянул, чуть вновь не сбив колдуна с ног.

— Да сиди ж ты спокойно! — рявкнул Фир, хватая парня за шиворот. — Этого дыма не надо бояться, он не тебя ищет. Надо скорее открыть ему дверь!

Мальчишка метнулся к выходу, но Донкранк удержал слугу:

— Не эту дверь, чудак. Сиди спокойно, сам все увидишь!

— Учитель, вы обещали показать мне существ из других миров и отправить меня в другие миры, но я уже не хочу! — закричал мальчишка, пытаясь вырваться из рук Фира.

— Не хочешь, а придется! — колдун взмахнул ру-

кой перед глазами парня, и тот сонно присел на пол. Мальчик не мог двинуть отяжелевшими руками и ногами, только в глазах его трепетал страх.

Волшебник метнулся к загончику, провел на полу окружность и стал рисовать какие-то таинственные магические знаки. Вскоре он оторвался от этого занятия и выскочил из загончика. Столб дыма, словно только этого и ждал, устремился к центру окружности и стал постепенно пропадать. Будто гигантская дымовая змея вползала прямо в пол комнаты, шипение, доносившееся из шара, усиливало сходство.

— У нас есть время, — сказал Донкранк, обращаясь к мальчишке. — Ты успокоился? Повторяю. Вскоре здесь появится, как я и обещал, существо из другого мира. Может, это будет волосатый великан, может, крылатый дракон, а может, и гном. Все, о ком ты слышал в сказках, на самом деле приходили к нам из других миров. Я не знаю, каким образом они сюда попадали, но всегда были люди, такие, как я, кто умел своим разумом постичь законы передвижения существ из одного мира в другой. Они и обеспечивали переправу. Ты же любишь путешествовать? Сам мне об этом говорил, вот и они любят. Наверное. А мы — маги — только помогаем этим странникам.

Колдун помолчал, проследив, как дым вытянулся в прямую линию, шедшую от шара к центру окружности в загончике.

— Но проблема в том, — продолжил волшебник, — что изъятия существ из других миров требуют замены. Если к нам кто-то прибудет, это значит, что на его месте в том мире, где он жил, образуется дырка. Представь себе мир в виде сыра с дырками — безобразие, а не мир. Поэтому нужна замена. Вот я тебя туда и отправлю.

Мальчишка задрожал, казалось, он бы вскочил и убежал куда глаза глядят, но был пригвожден к полу взглядом волшебника.

— Не надо трястись, — с досадой в голосе проговорил Фир. — Ничего страшного там наверняка нет. Ну, существа. Ну, другие. И будешь ты там жить, как у нас жили великаны и гномы. Я ж не ставлю перед собой задачу убить тебя! Хотел бы — давно бы убил.

Донкранк рассмеялся.

— А ты до сих пор жив! Будем надеяться, что живым и останешься, хотя, честно говоря, твое будущее меня не очень волнует. Может,

ты там королем станешь или богом! Так что радуйся возможности, которую тебе дает великий Донкранк Фир!

Похоже, его слова мало успокоили мальчика, но тот не мог ничего сделать. Из глаз его катились слезы.

Волшебник подошел к окну и вдруг остановился озадаченный. Он увидел странное видение сквозь щели в ставнях. В стороне, где располагались городские улицы, над городом вставало фиолетовое свечение.

— Да, похоже, не только я сегодня упражняюсь в магии, — пробормотал колдун. — Вот так живешь-живешь и не знаешь, что кто-то начинает по соседству безобразничать.

Колдун не знал, что в этот момент на одной из улочек Лахи человек в сером плаще с помощью магии избежал гибели под ножами воров Страга.

Донкранк обернулся, и вовремя. Хвост дымовой змеи покинул шар и стал поворачиваться в сторону мага. Тот прижался к стене, и конец хвоста прошел мимо него. Но дым зацепил мальчишку, сидевшего на полу, и поволок за собой к окружности.

— Прощай, мальчик! — проговорил Фир. — Будь счастлив!

Через несколько минут лаборатория очистилась от дыма. На полу загончика валялся деревянный башмак — все, что осталось от очередного слуги колдуна. В комнате находился только маг. Он взял с полки песочные часы, перевернул их и стал смотреть, как песок постепенно пересыпается сверху вниз.

— Пять оборотов, — шепнул Фир. Он не отрывал глаз от часов, чтобы не пропустить момент, когда их нужно будет переворачивать.

Пять раз песок пересыпался в часах, и в лаборатории раздался глухой гул, шедший из загончика.

— Так-так, — пробормотал маг. — Посмотрим, что за улов ждет нас сегодня.

Из середины окружности появился дымок, вскоре превратившийся в мощную струю, которая устремилась к стеклянному шару, исчезая в нем. В центре окружности показалась чья-то лысина. Донкранк с интересом наблюдал, как из пола появлялся человек, явно превышавший ростом волшебника раза в полтора.

Показалось лицо с единственным глазом, зло взглянувшим на колдуна.

— Ой, циклопчик! — воскликнул колдун. — Вот, значит, где вы обитаете! Ну, давай-давай, вылезай, хороший мальчик!

Из пола вырастала могучая волосатая грудь, волшебник увидел мускулистые руки, набедренную повязку из пятнистой шкуры какого-то животного, мощные ноги, привыкшие носить грузное тело.

Наконец весь циклоп выскользнул из пола со звуком пробки при откупоривании бутылки. В руках он сжимал громадную дубину, одного удара которой хватило бы на то, чтобы превратить волшебника в бесформенную кучу тряпья, кожи и перемолотых костей.

— Хороший мальчик! — приговаривал колдун, но на его лице не отражалось радости. — Правда, не знаю, зачем ты мне.

Донкранк взял со стола щепотку коричневого порошка:

— А ну-ка, покажи, на что ты способен!

Он кинул порошок в глаз великана. Тот заморгал, принялся тереть глаз и издал обиженный рев. Когда великан снова смог видеть, он поднял дубину, издал грозный рык и шагнул к волшебнику.

Донкранк отступил, хотя циклоп и не смог преодолеть невидимую стену, выраставшую из окружности.

— Скажи «Приветствую тебя, господин!» — потребовал волшебник. — Ну, давай, мальчик!

Циклоп снова заревел, пытаясь своей дубиной разбить невидимую стену. Звук от ударов был глухим, будто дубина ударяла по подушке. Не дождавшись приветствия, Донкранк, словно учитель, отчитывающий нерадивого школьника, заявил:

— Непослушный и вредный мальчик!

Не обращая внимания на злобствующего циклопа, волшебник подошел к шкафам, взял с одной из полок кусочек стекла, посмотрел сквозь него на великана и забормотал:

— Посмотрим-посмотрим, что тут у нас есть! Так-так, обучаемость почти нулевая, магических способностей и следа нет, сила в четыре раза выше среднечеловеческой, желания обычные: пожрать, поспать...

Волшебник вернул стекло на место и объявил великану, тупо продолжавшему долбиться в стену:

— Нет, знаешь, кушать тут нечего, если толь-

ко всех лахийцев пережрешь! Но сделать ты этого не сможешь, поскольку они тебя, дурака, убьют раньше.

Циклоп, будто обидевшись на эти слова, снова заревел.

— Фу, плохой мальчик! — обвиняющим тоном произнес маг и швырнул в меловой крут шепотку другого порошка. — Прощай!

Раздался взрыв, разнесший циклопа на куски, которые разлетелись по комнате. Донкранк, чтобы не испачкаться, притаился за шкафом.

Донкранк Фир раскрыл тетрадь в кожаном переплете, лежавшую на столе, и, подумав, стал вносить в нее записи, проговаривая их:

— Опыт семнадцатый. Ингредиенты... Объем... Результат: циклоп. Результат признаем отрицательным. Стало быть, осталось...

Подняв глаза к потолку, волшебник посчитал в уме:

— Двести пятнадцать! Эх, не дадут мне лахийцы отправить еще двести пятнадцать мальчиков в иные миры. Хотя, может, им было бы там не так уж плохо. В конце концов, из семнадцати парней только трое отправились к безмозглым драконам, десяток — к безобидным зверушкам. Двое вообще ушли замещать красавиц, жаль, одна с четырьмя руками, а вторая с ослиными ушами, а то могли бы и здесь вполне прижиться. Одного пришлось отправить к рыбкам, будем надеяться, в пути он вырастит жабры, а нет — так не моя вина. Семнадцатый ушел к циклопам, пусть ему там будет хорошо!

Донкранк со вздохом отложил перо и закрыл тетрадь. С тоской взглянув на лабораторию, нуждавшуюся в уборке, он вышел, прикрыв дверь, и отправился поспать.

Спустя несколько часов он проснулся, разбуженный первыми лучами солнца, и подошел к окну. С моря дул сильный ветер.

— С чего бы так резко направление ветра изменилось? — спросил сам себя Донкранк. Он поспешил к двери, открыл ее и принялся, когда порыв ветра чуть не захлопнул створку. — Ага, опять наследили! Знаменитый ветер пустынных колдунов! Вот кто, оказывается, шарится ночами по улочкам Лахи. Кажется, скоро произойдет что-то любопытное!

Храм Идры был самым высоким зданием в крепости Хостинпура. Его купол виднелся изда-

лека и радовал взгляд многих жителей государства, стекавших сюда в дни, когда принято славить доброго бога, благодаря попечению которого Хостинпур процветал на радость друзьям и зависть врагам. В эти дни площадь перед храмом бывала запружена окрестными крестьянами, охотниками, вместе со всем семейством бывавшими в столице.

Жрецы храма знали толк во врачевании и разных науках. И вот крестьяне, с которыми нехорошо обошлась природа, испытавшие какую-либо беду, шли сюда. Обнищавшим помогали деньгами, инструментами, одеждой, охотничьим оружием. Больных и увечных, страдания которых не могли облегчить знахари, осматривали жрецы храма, опытные в лечении. Страшные болезни давно обходили Хостинпур стороной, но все же разные случаи приключались. Бывало, охотники могли пострадать в лесах, и тогда им приходилось обращаться к добрым жрецам.

Богатые и здоровые люди в дни праздников тоже толпами стекались к храму, чтобы воздать хвалу Идре, благодаря бога за ниспосланное благоденствие.

В храме ежедневно работало немало людей. Одни мели площадь перед храмом, другие очищали стены, чтобы они сияли, своим блеском затмевая блеск воды, плескавшейся в небольшом бассейне, прилегающем к храму. Изготовители цветочных гирлянд несли свои изделия для украшения внутренних стен помещений и переходов храма, и в нем всегда стоял приятный сладковатый запах свежих цветов.

Ашура и Дараям спешили в тени огромного здания, бросив поводья тотчас подбежавшим служителям, которые повели коней на конюшню. Принц и ученик жреца невольно посмотрели на стены храма, возвышавшиеся над ними. Стены были украшены скульптурами радующихся и благоденствующих людей. Были здесь фигуры крестьян, обрабатывающих поля, лесорубов и строителей, кузнецов и чеканщиков, охотников и рыболовов. Женщины плели корзины, ткали, шили одежду, а то сплетались в радостных хороводах. Дети играли с домашними животными. Не было здесь только военных сцен, ибо Идра был богом мирных людей и не поощрял занятия, которые вели к смерти.

Жители Хостинпура знали, что этот сильнейший бог поможет, когда придет нужда, побеж-

дать врагов. Но не зря ежегодно в праздник цветения жрецы читали в храме историю победы Идры над демонами-раксасами, которым он сначала долго попускал бесчинствовать, надеясь на их перерождение, а затем поразил, изгнав из Хостинпура. Жрецы говорили, что эти битвы, которые Идра вел с неизменным успехом, но всегда в конце оплакивал погибших врагов, происходили в действительности. Только было это так давно, что память о них осталась лишь в храмовых летописях. Все ныне живущие в Хостинпуре могли видеть лишь изображение Идры — огромную статую, украшавшую центр главного зала храма, на их памяти бог не оживал, да и не требовалось его оживления во времена процветания. Он помогал хостинпурцам незримо.

Здание храма имело круглую форму, круглым же был и центральный зал, где стояла статуя Идры. Этот зал был окружен коридором, из которого двери вели в комнаты различного назначения, располагавшиеся по окружности здания. Здесь, в этих комнатах, хранились богатства храма и те предметы, которые шли на раздачу нуждающимся. Здесь же были комнаты, в которых лечились увечные и больные хостинпурцы, за которыми ухаживали жрецы. Жрецы, в том числе и верховный жрец Девдас, жили в этих помещениях. Поскольку храм был громаден, места хватало всем.

Едва принц ступил в полутемный вход под аркой, также украшенной скульптурной резьбой, как служители, работавшие в храме, увидели его и склонили головы в поклоне. Только жрецы не отдали поклона принцу, поскольку считалось, что они служат высшему существу, перед которым должны склоняться сами принцы и цари.

Принц ответил на поклон и вступил в храм. Неожиданно один из служителей, до этого развешивавший на стенах гирлянды свежих цветов, обернулся, услышав шаги Ашуры. Он сделал несколько шагов навстречу принцу и упал, забившись в конвульсии. Глаза его горели неестественным блеском. Глядя на принца, но будто не видя его, он закричал:

— Кровь! Я вижу кровь! Сотрите кровь!

Эти крики перепугали других служителей, бросившихся к товарищу. Принц инстинктивно шагнул назад, но сам устыдился этого и тут же поспешил к корчившемуся на каменном полу человеку. Тот бился головой об пол с такой силой, будто задумал убить себя:

— Вижу, вижу кровь! Кровь заливает руки принца! Уберите, уберите!

Ашуру, которого и прежде одолевало беспокойство, эта сцена взволновала. Он беспомощно оглянулся на Дараяма. Ученик верховного жреца быстро прошел к служителю, товарищи которого почтительно расступились перед ним. Дараям опустился на колени перед человеком, чье тело изгибалось, будто его кололи ножами. На лице служителя было написано страдание.

Дараям положил руку на лоб служителя и зашептал:

— Великий Идра, не позволяй в твоём храме властвовать демоническим силам!

Свет исходил из-под ладони Дараяма, распространялся со лба на нос, щеки, подбородок, будто целительные силы вливал ученик верховного жреца в несчастного служителя.

Служитель задышал ровнее, расслабил напряженные мышцы. Через минуту он открыл глаза. Увидев перед собой Дараяма в белой одежде, залитой кровью убитого в лесу тигра, человек испугался:

— Неужели я поранил вас, господин? — спросил он. — Не знаю, что со мной было, будто наваждение какое-то нашло.

— Не волнуйся, — ответил Дараям. — Ничего плохого не произошло. Расскажи, что ты чувствовал.

Ашура, наблюдавший за этой сценой со стороны, подошел ближе.

Служитель рассказывал:

— Я развешивал цветочные гирлянды, увидел, что в храм входит принц Ашура, поклонился ему и вдруг ощутил, как мою голову покрыла какая-то тень! Мне стало страшно, я закричал, а потом ничего не помню. Помню только, что мне было больно, но вы, господин, положили ладонь на мою голову. Я почувствовал покой и приятную прохладу, исходящую от вашей руки. Наверное, вы спасли меня, спасибо вам, господин!

Человек поднялся на ноги и сделал попытку склониться перед Дараямом в низком поклоне, но ученик жреца удержал его:

— Идру благодари. Я бы велел тебе идти домой и отдыхать, но, думаю, сейчас тебе лучше какое-то время побыть под защитой Идры в этом храме.

— Хорошо, господин! — служитель поклонился.

Вскоре все вернулись к своим делам, хотя Ашура заметил, что некоторые опасливо ко-

сятся на него и перешептываются. Принц вытер холодный пот, выступивший во время страшной сцены.

— Ты просто волшебник! — сказал он Дараяму. — Может, ты и на мой лоб положишь ладонь?

Принц тут же пожалел о вырвавшихся словах. Дараям прекрасно понял принца, ученик верховного жреца внимательно посмотрел на Ашуру и ответил:

— Твоим разумом не владеют демоны, твое беспокойство уйдет, когда ты предпримешь для этого старания. Идра не оставит тебя без поддержки, а Девдас скажет, что нужно сделать.

Ашура вздохнул и пошел вслед за Дараямом. Они прошли через центральный зал и остановились возле статуи Идры. Головы молодого жреца и принца достигали лишь стоп бога, сидевшего со скрещенными ногами и с любовью смотревшего на тех, кто прибегал к его помощи. Дараям воздел руки к божеству и зашептал слова молитвы, принц лишь мысленно просил бога не оставить его своей милостью.

Завершив молитву, они направились к боковым дверям, выходящим в полутемный коридор. Дараям вел Ашуру к покоям Девдаса.

Глава четвертая

— **О** прекрасная Девика! Смотреть на тебя — словно вдыхать тонкий аромат ландышей! Любоваться лицом твоим — счастье не только для смертного, но и для бессмертных богов. Лицо твое подобно Луне, освещающей землю в ночи, глаза твои сияют как алмазы, блеск их затмевает свет Солнца! Щечки твои — словно розы, коснешься их — словно персик в руке...

— Хватит, Дамаянти! — оборвала принцесса бесконечную речь своей няньки. — Ты такую ерунду говоришь, что уши вянут!

— Нет, — возразила нянька. — Не могут вянуть ушки моей маленькой богини. Они всегда свежи и полны жизненных сил.

Принцесса рассмеялась. Она лежала на невысокой мягкой тахте в отведенных ей покоях. Комнаты принцессы располагались во дворце царя Падаси, здесь Девика часто проводила время с детских лет. Давно родители Ашуры и Девики условились о том, что дети станут мужем и женой, а Хозрем станет частью Хостинпура.

У князя Хозрема не было сыновей, лишь одна дочь украшала его старость. Потому он решил, что будет лучше, если давно существовавшее в действительности положение, когда княжество и так являлось частью более сильного и дружественного государства, войдет в его состав на законных основаниях. Ашура должен был стать князем Хозрема, а затем, когда Идре будет угодно призвать к себе обоих властителей, станет царствовать над единым Хостинпуром, частью которого станет горное княжество.

Девика и Ашура привыкли думать, что проведут жизнь вместе как муж и жена. Теперь, когда отец Девики уже ушел на встречу с Идрой и предками, девушка решила жить во дворце Падаси. Свою мать она потеряла еще во младенчестве, женскую ласку давала ей старая нянька Дамаянти.

Конечно, Девика грустила по отцу, но жители Хостинпура окружили девушку такой заботой, что она почти не ощущала одиночества. Ежедневно виделась она с царем Падаси, царица Дурга навещала ее и приглашала к себе, хотя принцессе было скучновато общаться с ней. Гораздо интереснее было с Ашурой, который также часто бывал в покоях невесты. Бывало, они вместе устраивали конные прогулки, а то и соревновались в стрельбе из лука, и Ашуре далеко не всегда удавалось опередить юную хозремку.

Царица Дурга не одобряла такого поведения невестки, но Девика не обращала внимания на ее добродушное ворчание. А Падаси, которому Дурга высказала свое неудовольствие, отмахнулся:

— Милая! — сказал он. — Вспомни, как ты лечила мои раны, когда сразу две стрелы лучников Ахора пронзили мою руку! Ты готова была сама схватить лук и перестрелять всех врагов, именно тогда я и влюбился в тебя и решил назвать своей женой!

Дурга, поджав губы, возразила:

— Тогда было другое время, Ахор угрожал Хостинпуру. А теперь вокруг царит мир. Я бы хотела видеть рядом с Ашурой нежную заботливую женщину, которая отвратит его от глупостей, свойственных молодости!

— А я бы хотел видеть рядом с сыном надежную подругу! — заявил Падаси. — Слава Идре, мы действительно процветаем и благоденствуем, но надолго ли — только Идре известно!

Девика не знала об этом разговоре, но заме-

тила, что с некоторых пор Дурга почти перестала ворчать, когда Ашура с принцессой отправлялись стрелять или приказывали седлать лошадей и мчались галопом по дорогам Хостинпура.

Принцесса и теперь с удовольствием бы занялась чем-либо более интересным, чем лежание на тахте, но некоторое время назад ее вдруг настигла неизвестная болезнь. Девушка чувствовала слабость, не дававшую ей подняться. Когда она вставала на ноги, ноги были словно травинки, каждый шаг давался с трудом.

Врачи, присланные Падаси, не сумели определить причину заболевания. Одни рекомендовали полный покой, другие — усиленные тренировки. Третьи говорили, что надо больше кушать свежего мяса и налегать на вино. Четвертые утверждали, что необходимо голодание. Что на самом деле было нужно принцессе, выяснить пока не удалось. Принцесса улеглась поудобнее.

— Остороженько, красавица моя! — запричитала Дамаянти, подскочив к ней.

Девика досадливо поморщилась:

— Что ты как курица над яйцом трясешься надо мной? — спросила она. — Я просто повернулась, какая при этом нужна осторожность!

— Ох-ох! — запричитала нянька. — Пока не прошла твоя слабость, нужно беречь твою красоту...

— А, перестань! — рассмеялась Девика. — Тебя послушать, так я просто урод какой-то.

— Как? — удивилась служанка.

Девика принялась объяснять:

— Ну, сама подумай. Лицо словно Луна. То есть, круглое, бледное, как у покойника, и в серых пятнах...

Дамаянти всплеснула руками:

— Все поэты сравнивают красавиц с Луной! Я много их песен переслушала, когда бродячие певцы пели их во дворце вашего отца!

— Значит, поэты — дураки! — возразила принцесса. — Потом, глаза сияют солнечным светом, значит, спят других. Что в этом хорошего? Щечки как розочки...

— Розочки-то чем не угодили? — огорчилась нянька, всплеснув руками.

— Розочки — из лепестков. Значит, моя кожа шелушится, как лепестки. А на ощупь — словно персик. То есть мохнатая. Ты хочешь ска-

зать, что мои щеки шелушащиеся и мохнатые? — засмеялась Девика.

Служанка всплеснула руками:

— Ах, моя маленькая богиня, ты просто смеешься над старой нянькой! Конечно, не от меня ты хочешь слышать эти нежные слова. Вот если бы тебе говорил их принц Ашура!

Принцесса прикрыла глаза от солнечного света, пробивавшегося сквозь тонкие занавеси и придававшего белым стенам комнаты золотистый оттенок.

— Конечно-конечно, — продолжала приговаривать Дамаянти. — Молодым девушкам красивые песни должны петь славные юноши, а не старые няньки.

— Ну, перестань, няня! — принцесса увидела, что Дамаянти не на шутку огорчилась. — Я не хотела сказать тебе что-то обидное. А с Ашурой мне просто интересно и весело.

— Так и должно быть, моя милая, так и должно быть! — согласилась нянька. — Ты же любишь его, а он любит тебя. Ваш брак осияет своим светом Хостинпур и Хозрем, и все жители возлюбят вас как добрых и хороших властителей...

Девика промолчала, задумавшись.

Нянька, заметив это, присела рядом и по своему разумению решила успокоить принцессу:

— Не волнуйся, принц скоро придет, он же и дня без тебя провести не может. Это такая любовь...

— Любовь — не любовь! — отозвалась принцесса. — Я же тебе говорю, что мне с ним просто весело. А люблю я его или нет — не знаю.

— Конечно, любишь! — убежденно сказала Дамаянти. — Все молодые девушки говорят так, как ты, а сами любят!

— Не знаю, — принцесса не хотела соглашаться. — Я к нему привыкла, он хороший друг. Мы же с детских лет с ним вместе играли, учились верховой езде, стрельбе, обследовали все уголки царского дворца и даже однажды ночью пробрались в храм Идры. Правда, дошли до двери, ведущей в подземелье, но испугались и не пошли дальше.

Это воспоминание развеселило принцессу. Она продолжала:

— На следующую ночь мы решили все-таки проникнуть в подземелье и вновь пробрались в храм. Но у самой двери нас выловил Девдас. Он поймал нас за шиворот и вытащил на улицу. И

Ашура, и я подумали, что он наябедничает Пада-си, но верховный жрец отпустил нас, сказал только, что есть места для царей и принцев, есть для жрецов, а есть для богов, куда не нужно заходить, пока боги не призовут.

— Вот вам всегда хотелось только хулиганить, — проворчала старуха. — Страшно становится, как вспомню, сколько раз приходилось залечивать ваши царапины! Тебе, моя маленькая богиня, и теперь лишь бы скакать, стрелять да лазать! Может, то, что ты приболела, и не плохо. Научишься степенности, которая должна быть у царицы. Вот посмотри на Дургу — держится строго, движется плавно... ее на коня не загонишь!

Принцесса расхохоталась:

— Представь, я стану степенной и толстой, не смогу вскочить на коня! Да я умру со скуки, как сейчас умираю. Вот что, вели седлать моего коня!

— Куда-куда? Какого коня, лежи и лечись, моя девочка! — замахала руками нянька.

— Коня! — крикнула Девика.

Нянька, ворча, ушла выполнять приказание. Вскоре у входа в покои принцессы гарцевал красивый вороной жеребец с султаном на лбу. На жеребце была узорчатая упряжь, седло, изготовленное в лучших мастерских Хостинпура.

Принцесса, опираясь на руку няньки, вышла на крыльцо. Усатые стражники богатырского роста, охранявшие вход, с беспокойством и любовью взглянули на принцессу. Принцесса приветствовала их и, сопровождаемая служанкой, подошла к своему коню. Тот радостно заржал, увидев хозяйку, и стал нетерпеливо перебирать ногами. Его, конечно, выгуливали, но конь скучал без лихой скачки по дорогам Хостинпура.

Принцесса потрепала его по холке. И попыталась вскочить в седло, но тут же чуть не упала назад, подхваченная служанкой и конюхом, стоявшим рядом. К ней подскочили и стражники.

— В седло! — упрямо произнесла принцесса, и мужчины почти закинули ее на коня.

Девика сжала сапожками бока коня, и тот шагом пошел в сторону улицы. Принцесса болталась в седле, с трудом удерживая равновесие. Не успев удалиться на несколько шагов,

она вдруг низко наклонилась, и лишь расторопность стражников и конюха, подхвативших ее, спасла Девиду от падения.

Обратно в покои девушку отнесли на руках стражники.

В узком коридоре Ашуру и Дараяма остановили два жреца.

— Просим вас подождать, светлейший принц! — сказал один, обращаясь к Ашуре, а второй повернулся и быстро скрылся за дверью одного из боковых помещений.

Жрец быстро вернулся:

— Девдас просит вас пройти!

Дараям и Ашура прошагали к двери, ведущей в покои Девдаса. Первая комната, в которой он принимал тех, кто приходил к нему за советом, оказалась пуста. Молодые люди прошествовали дальше, миновали кабинет, где увидели такого же жреца, как и те, что стояли на страже в коридоре. Наконец в третьей комнате, служившей Девдасу спальней, они нашли того, кого искали.

Девдас стоял у постели, на которой лежал старик. Ашура узнал в нем человека, так неосмотрительно попавшегося ему на дороге.

Низкий диванчик был застелен простой грубой тканью, под стать одежде бахмачари. Девдас, хоть и был верховным жрецом Хостинпура, не баловал себя шелками, предпочитая грубые ткани, простую пищу, которую вкушал раз в день.

Бахмачари был без сознания, из груди его вырывались хрипы.

— Я не мог так сильно его поранить, — смутившись, сказал принц. — Он попал под удар моего коня, упал, но даже при этом не должен был оказаться смертельно раненным.

— От старости нет лекарства, — тихо ответил Девдас. — Этот бахмачари, его зовут Шиа, — старейший. Он помнит ребенком еще твоего деда.

Помолчав, Девдас добавил:

— Я был мальчишкой, когда начал свое служение Идре. Мой учитель взял меня в паломничество к Шиа, уже тогда он был в почтенном возрасте. Кроме того, мы не знаем, как и что влияет на жизнь и смерть святых. Он мог бы выжить после удара копьем. Если бы меч, коснувшись его головы, разлетелся на куски, я

бы не удивился. Но если пришла пора, его никто не спасет. Только Идра знает, когда следует призывать к себе своих слуг.

Ашура подошел к постели, встал на колено и поднес руку старика к своему лбу:

— Прости, учитель!

Рука бахмачари была не тяжелее высохшего бамбука. Принц почти не ощущал ее веса, зато почувствовал, как тает его беспокойство, как в душу нисходит покой.

Он поднял глаза на Девдаса:

— Святой простил меня? Он больше не обижается?

Девдас грустно улыбнулся:

— Шиа давно ни на кого не обижается. Он может только скорбеть о том, что люди, сами не понимая этого, создают себе трудности. Пойдемте, сейчас мы ему не поможем.

Верховный жрец и его спутники тихо пошли к выходу из спальни, но в этот момент бахмачари стал дышать еще тяжелее, а затем отрывисто заговорил:

— Я вижу беды! Война идет на Хостинпур! Я вижу ссоры, и зависть, и предательство!

Девдас, его ученик и принц кинулись к постели старика, но тот уже затих.

— Он бредил? — спросил принц Девдаса.

Верховный жрец покачал головой:

— Это не бред. Это предсказание, увы!

Стараясь не потревожить покой больного, они вышли из спальни. Девдас пригласил принца и Дараяма присесть за низенький круглый столик. Бросив взгляд на испачканные кровью одежды, он спросил, что с ними произошло. Принц рассказал о странном тигре, в когтях которого он чуть не погиб. При этом принц всячески превозносил сме-

лость Дараяма, благодаря которому остался жив.

— Дараям, — обратился к ученику верховный жрец. — Ты правильно поступил, что убил тигра. Но ты понимаешь, что теперь тебе нужно очиститься от убийства? Ты не сможешь находиться в храме Идры, покада не истечет срок очищения. На целый год ты отстраняешься от храма.

— Да, учитель! — спокойно ответил Дараям.

Ашура с горячностью принялся защищать своего спасителя:

— Но почему, учитель? Если Дараям совершил благое деяние, почему ты отстраняешь его от исполнения обязанностей жреца? Так нельзя!

Девдас коснулся его руки:

— Принц, законы придуманы не нами. Не может служить Идре человек, недавно проливший кровь. Защитив тебя, Дараям поступил верно, но — ничего не исправил — он сам стал убийцей. Он даже пришел в храм в одежде, испачканной кровью его жертвы!

— Прости, учитель! Я спешил привести к тебе принца.

— Конечно-конечно, я не сержусь! — перебил его Девдас. — Я рад тому, что у меня такой смелый, доблестный ученик. Будь ты воином,

ты заслужил бы награды, достойные твоего подвига. Но ты — жрец, а у нашей касты другие законы.

Ашура всем своим видом выражал несогласие. Он хмурился и покачивал головой.

— Дараям должен покинуть храм на год, — продолжил верховный жрец. — Он может поселиться во дворце или в городе и вернуться обратно только через год, проведя это время в покаянии.

— Конечно, во дворце! — воскликнул Ашура. — Человек, спасший мне жизнь, станет моим другом и советником!

— Да, — кивнул Девдас. — Тебе нужен друг и советник, с которым ты сможешь коротать время, ибо и тебе нужно очиститься.

— От чего? — Ашура вскочил на ноги. — Я — принц и, значит, принадлежу к касте воинов! Охота, за неимением битв, это то, чем я должен заниматься! С каких пор принц не может охотиться?

Девдас тоже поднялся:

— Не горячись, Ашура. Вспомни, разве когда-нибудь я требовал от тебя того, что ты не должен делать? Если я говорю о необходимости очищения, то это не прихоть старого безумца, поверь! Дело не в том, что ты пролил кровь тигра. Ты сбил бахмачари!

— Я не хотел! — крикнул принц. — Это вышло случайно!

— Да, — согласился верховный жрец. — Но святой, молитвам которого во многом обязан благоденствующий Хостинпур, сейчас находится при смерти. Ты можешь отнимать жизни, но ты не можешь их возвращать. Твой поступок нарушил равновесие на этом маленьком кусочке мира. Тебе предстоит исправить то, что ты совершил. Так велят боги!

Ашура насупился, словно упрямый мальчишка.

— Успокойся, принц, — мягко проговорил Девдас. — Ты же знаешь, что я желаю только добра тебе и Хостинпуру.

Верховный жрец хлопнул в ладоши. В комнату вошел служитель с кувшином и тремя чашами.

— Этот отвар возвращает здравомыслие, — пояснил Девдас, разливая по чашам дымящийся напиток.

Служитель удалился, и жрец продолжил объяснение:

— Боги установили единый порядок. Если этот порядок соблюдается, повсюду царит мир. При этом, по великой любви к своим созданиям, они наделили нас свободой выбора. Ты, принц, волен поступать так, как пожелаешь. Но благодаря установленному порядку твои действия вызовут цепь последствий, которые произойдут обязательно. Можно называть этот порядок несправедливым, можно воевать против него, но он установлен богами, и изменять его смертному не под силу — ни тебе, ни мне, ни Дараяму. Даже бахмачари — святой Шиа — не может изменить этот порядок. Оскорбление святого — вольное или невольное — сулит несчастья. Если бы ты сознательно сбил бахмачари с ног, было бы хуже. Но ты сделал это случайно. Поэтому исправить последствия, которые могут наступить, довольно легко. Тебе необходимо провести год в посте, отказаться от праздников и развлечений. Этого, думаю, будет достаточно.

— Девдас, ты забыл, что у меня через три дня свадьба! — возразил принц. — И вообще, я не увидел, чтобы ты обрадовался моему чудесному спасению! Уже только это может стать поводом для праздника. Я хотел подарить шкуру убитого тигра твоему храму, ты увидишь, какой это был великан. А ты, вместо того чтобы воздать хвалу Идре за спасение принца, наказываешь его спасителя и отговариваешь меня радоваться!

Девдас положил свою ладонь на руку принца, успокаивая горячего молодого человека.

— Пойми, принц, твои планы нужно отложить! — сказал он настойчиво. — Они не исполнятся, а если исполнятся, то это не принесет тебе радости! Невозможно отменить установленный порядок. Я счастлив, что ты остался жив, живи долгие годы на благо Хостинпура, я молю об этом Идру. Но шкуру убитого животного нельзя нести в храм, разве ты видел, чтобы у нас где-нибудь были шкуры? Что хорошо для воина, не подходит жрецу. И подумай, таких тигров, да еще нападающих на людей, давно не было в окрестностях города. Само его появление не предвещает ли беду? Посмотри, ты уже подвергался смертельной опасности, а что будет дальше?

Принц слушал эти слова, нахмутив брови, отчего лицо его приняло суровое и упрямое выражение.

Девдас был взволнован:

— Нам грозят беды, ты сам слышал, что сказал бахмачари. Так неужели ты не хочешь отвести эти беды от нашего государства, на какое-то время отменив праздники?

Принц вновь поднялся из-за стола и торжественно заговорил. Голос его немного дрожал, поскольку принцу казалось, что его слова чрезвычайно важны. Может быть, подумал Ашура, когда-нибудь камнерезы запечатлеют их на каменных скрижалях и эти скрижали украсят один из залов дворца.

— Боги редко приходят на землю! — провозгласил принц. — Они установили свой порядок для всего мира, но поставили царей для того, чтобы и цари устанавливали свой порядок для своих подданных. В Хостинпуре состоится свадьба! Это сказал я, принц Ашура!

Торжественная формула, завершавшая речь, означала, что принц не собирается отказываться от своих намерений.

Более не слушая верховного жреца, принц повернулся и покинул его покои.

— Дараям, догони, — начал говорить Девдас, но в эту минуту на пороге комнаты появился жрец, оставленный с бахмачари.

— Святой Шиа поднимается с постели! — позвал он Девдаса.

Девдас и Дараям бросились в спальню. У постели стоял Шиа. Ноги плохо слушались его и с трудом удерживали легкое тело.

Девдас подбежал к святому, встав на колено, приложился лбом к его ладони. За этим почти-тельным жестом было не только уважение, но и желание поддержать старика, поскольку жрец не отпустил ладонь, а продолжал удерживать, давая возможность бахмачари найти дополнительную точку опоры.

— Черный Палач возвращается, — очень слабым голосом прошелестел бахмачари.

Девдас вздрогнул и вопросительно посмотрел в глаза святого. Глаза были ясными, видно было, что святой находится в сознании.

— Я слышал голоса, — продолжил он. — Ад веселится в ожидании Черного Палача. Я шел об этом сказать.

— Но ведь перстень был у вас! Святые хотели сохранить его! — беспокойно сказал Девдас.

Бахмачари болезненно застонал.

— Наш брат погиб в борьбе с пустынными колдунами. Не знаю, что с перстнем, но Палача уже ждут.

Сказав это, бахмачари пошатнулся, Девдас помог ему вновь лечь. Но он хотел получить еще один совет:

— Учитель, принц Ашура...

— Оставь его, — прошептал Шиа. — Он должен пройти свои испытания, как Хостинпур — свои.

Шиа откинул голову на тонкую подушку и закрыл глаза. Усилие, которое потребовалось ему на то, чтобы подняться и сказать несколько слов, отняло последние силы. Девдас и Дараям, постояв немного и удостоверившись, что дыхание бахмачари стало ровным, покинули спальню.

— Учитель, о каком перстне говорил бахмачари? — спросил Дараям.

— Да. Это самое главное. Садись, я тебе расскажу...

В доме волшебника стояла тишина после недавно разыгравшегося представления.

Уловив по лишь ему понятным признакам, что в Лахи действовал некто, обладающий магией пустынных колдунов, Донкранк раздумывал, что понадобилось гостю в мирном торговом городе. С пустынными колдунами, представлявшими закрытую касту, он не дружил. Да и вряд ли нашелся бы человек, который дружил бы с пустынными колдунами, больно своенравными были эти чародеи, не нуждавшиеся в союзниках.

— Должно быть, — рассуждал сам с собой Донкранк, — в этом городке появилось нечто, чего я не знаю. Какой-то лакомый кусочек для мерзкой пустынной компашки. В порт то и дело приходят корабли со всего мира, вполне возможно, что завезли что-то полезное. Жаль, мне об этом не сообщили.

Донкранк Фир спустился на первый этаж, где в одной из комнат стояла на бюро клетка, прикрытая покрывалом. Сдернув покрывало, Донкранк сказал:

— Эй, птичка! Вставай, брат, пора!

В просторной клетке спал маленький серый воробей. Как только покрывало было снято, воробей встрепенулся и зачирикал.

— Знаю-знаю, помню-помню, — бормотал Донкранк. — Ты хочешь кушать. Конечно, проспять два года и ни разу не подкрепиться только тебе и под силу. Ну, пойдем!

Волшебник потащил клетку в кухню, водрузил ее на дубовый стол, стоявший поблизости к очагу, и принялся скармливать птице все, что под руку попадало.

Он крошил на небольшие кусочки хлеб и яблоки, сливы и хурму, лук и мясо. Птица все это проглатывала с жадностью.

— Кушай, маленький, кушай! — приговаривал волшебник. — Тебе предстоит дальняя дорога.

Птица, будто понимая, о чем идет речь, кивнула.

— Здесь побывали пустынные колдуны, помнишь этих ребят? Плохие ребята, честно скажем. Недавно один или несколько колдунов убрались отсюда, но следы еще остались. Найти их нетрудно, лети в сторону моря, а далее верь своему чутью.

Птица кивнула, как показалось Донкранку, с некоторой досадой.

— Да что это я тебя учу! — всплеснул руками волшебник. — Ты же сам все знаешь! Лети, посмотри, а потом сразу возвращайся, если увидишь что-то любопытное. Наелся?

Донкранк Фир распахнул дверцу клетки, воробей выпрыгнул из нее и, расправив крылья, принялся кружиться по кухне. Донкранк поспешил распахнуть окошко и отступил в сторонку.

Воробей чирикнул на прощание и вылетел на улицу.

Вскоре и волшебник вышел из дома, и любовью прохожий, глядя на него, мог бы подумать, что это безобидный чудаковатый старик, отправившийся со своей клюкой на прогулку.

Ветер, поднявшийся на острове Лого, был, похоже, замечен только Донкранком Фиром. Город жил обычной жизнью. В лавках шла бойкая торговля, таверны, ненадолго закрывавшиеся, чтобы успеть навести какой-никакой порядок, вновь открывались, глотая посетителей, намеревавшихся провести веселый вечерок за кувшинчиком вина. Лахийские хозяйки, возвращавшиеся с рынка или из порта, где покупа-

ли свежую рыбешку, стайками собирались на перекрестках обсудить последние новости.

Донкранк, проходя мимо них, вострил уши. Но в сплетнях кумушек не было ничего интересного, обычное пережевывание косточек, рассказы о мужьях, то умудрявшихся неплохо заработать с помощью приезжих купцов, то, напротив, терявших работу из-за своего ленивого характера.

Донкранк как рыба в воде чувствовал себя среди разношерстной толпы, где можно было жить, не привлекая к себе особого внимания. Уже годы провел он здесь, ставя опыты. В долгих и мучительных поисках он обнаружил сочетания магических формул и волшебных составов, которые позволяли извлекать из иных миров населявших их существ. Колдун был убежден, что однажды он сумеет выдернуть в свой мир демона, описание которого он встретил в старой магической книге. Демон был способен принести весь мир к ногам своего хозяина, а в том, что любое существо колдун сумеет подчинить, Донкранк не сомневался.

Колдун недолго размышлял, куда ему податься. Конечно, можно было искать следы пустынных колдунов, прочесывая одну за другой тесные улочки Лахи. Но на это у волшебника не было времени.

— Если пустынный колдун побывал в Лахи, значит, сегодня на городском кладбище кого-то хоронят, — сказал сам себе Донкранк и направил свои стопы на окраину города, где за небольшой церквушкой располагались кварталы вечного поселения.

Церквушка стояла на холме, взбираясь на который, колдун слегка запыхался. Конечно, он мог воспользоваться своими магическими возможностями, но предпочитал этого не делать, чтобышний раз не привлекать внимания.

Миновав церковь, Донкранк вытер пот со лба. Полуденное солнце сильно пекло, и магу было жарко в черном одеянии, ношение которого требовал образ ученого. Что-то заставило колдуна обернуться, у задней стены храма он увидел небольшую скульптуру, изображавшую покровителя воров Урага. Изображения других богов находились в помещении храма, а для воровского божка места рядом с почтенными богами не нашлось.

У статуи сегодня явно побывали люди. Трава на тропинке, которая вела к ней, была вытоптана. Колдун подошел к статуе. Возле ног божка, кривящего рожу в мерзкой ухмылке, лежал с десятков потертых кошельков.

— Так, сегодня здесь хоронят вора, — пробормотал Донкранк. Колдун знал, что по обычаям Воровской лиги товарищи покойного отдавали Урагу приношение — кошельки с медяками.

Донкранк быстро повернулся и пошел к окраине кладбища, где находили последний приют тела городского отребья. Вскоре он увидел вдали группку людей, опускавших в могилы тела. Не останавливая шага, он подошел ближе.

По мере того как колдун приближался к могиле, Страг, смотревший на него расширенными глазами, все более бледнел.

— А, это ты, мальчик? — произнес Донкранк Фир, приветливо улыбаясь. — Я смотрю, ваша компания лишилась сразу двух героев. Давай отойдем в сторонку, расскажешь, что произошло.

Страг, словно собачонка, пошел за Донкранком, удалявшимся в сторону могильных холмов. Воры проводили своего главу удивленными взглядами.

Волшебник не оборачивался. Страг, которого прошиб пот, думал, как бы ему улизнуть. Глава Воровской лиги испугался за свою жизнь, с которой не хотел расставаться. Потихоньку он стал нащупывать рукоятку кинжала, заткнутого за пояс.

Донкранк будто почувствовал направление мыслей вора:

— Не спеши, мальчик. Ты же помнишь, наверное, что мне лучше зла не делать.

С этими словами Донкранк резко обернулся, оказавшись лицом к лицу со Страгом.

Пленный ужасом, Страг отшатнулся и отпустил кинжал. Судорожно сглотнув, он сказал:

— Да, я помню.

— Вот и хорошо, хорошо, — закивал Фир. — А еще ты, наверное, помнишь, что мне лучше не лгать. Да?

— Да, — опять согласился Страг.

— Вот и умничка, хороший мальчик. Ты же больше не хочешь попасть в пустыню?

Страг замотал головой.

— Ну, а раз не хочешь, то давай выкладывай, что произошло.

Воры, издали наблюдавшие за этой сценой, заподозрили неладное, больно уж скромно держался их глава, беседуя со стариком.

— Страг, не нужно ли чего? — Хмырь первым набрался смелости.

Страг только махнул рукой, успокаивая товарищей.

— Это будет долгий рассказ, — попытался отвертеться вор от расспросов Донкранка. — Может быть, я расскажу вам все позже?

Донкранк засмеялся:

— Ты хочешь прийти ко мне и побеседовать за чашечкой чая?

— Нет! — громко крикнул Страг, испугавшись того, что придется снова посетить дом волшебника, который он однажды так неудачно обследовал.

— Тогда рассказывай сейчас, — предложил колдун.

Страгу ничего не оставалось делать, как изложить все. Донкранк Фир остался доволен:

— Молодец, мальчик. Вот сразу бы так.

Страг побледнел еще больше, приготовившись проститься с жизнью.

— Не дрожи, не дрожи, — успокоил его Фир. — Я тебя наказал однажды за ложь, но за правду-то наказывать не буду! Я ж не злодей, людей просто так не гублю. Иди себе, хорони своих товарищей!

Главу Воровской лиги не пришлось просить дважды, пятясь, он удалился от колдуна, а Донкранк направился к дому.

— Значит, перстень у пустынного колдуна, — размышлял он. — Но тот ли это перстень? И еще вопрос — где пустынный колдун? Неужели эти пустычники решили пробудить Черного Палача? Безумцы, им его не удержать! Ладно, посмотрим, что скажет нам птичка...

Глава пятая

Девика, приходившая в себя после приступа слабости, рассматривала занавески, расшитые золотыми павлинами, и размышляла о скорой свадьбе. В комнату вошла Дамаянти, неся в руках дымящуюся чашу:

— Давай выпьем лекарственный отвар, моя маленькая богиня! Он вернет тебе силы.

Девика послушно приподнялась, хотя и не упустила случая возразить:

— Ах, Дамаянти, все лекари обещали, что скоро я буду здорова, но их слова растаяли как утренний туман. Я по-прежнему больна, хоть и выполняла все их предписания.

— Не расстраивайся, Девика, твой молодой организм победит любую слабость! Ну, глотай живенько!

Принцесса выпила отвар и вновь улеглась. За последнее время она исхудала. Ее стройное мускулистое тело, которое Девика часто упражняла в мужских занятиях вроде стрельбы, битв на мечах или в конных прогулках, теперь было похоже скорее на пучок высохшей травы. Но, будучи по натуре веселой и уверенной в себе, Девика не хотела задумываться о болезни, полагая, что такое настроение поможет скорее изгнать хворь.

Девика думала об Ашуре. Разговор, начатый служанкой еще до того, как принцесса собралась кататься верхом, затронул тайные струны ее сердца. Любила ли она принца?

Девика сама не могла ответить на этот вопрос. Свадьба наследников хостинпурского и хозремского престолов была предрешена еще тогда, когда рост этих наследников был не больше высоты тюльпанов на клумбах, украшавших вход в покои принцессы. Ашура был товарищем ее детских игр, правда, они часто соревновались, стараясь доказать, что каждый из них лучше другого может держаться в седле, более метко стрелять в цель, более ловко увернуться от учебного деревянного меча, рассекающего воздух со свистом, словно настоящее оружие. Вести этот вечный спор Девике было интересно. Она думала, что такой будет и их семейная жизнь, полная развлечений, охот, турниров.

Принц и принцесса никогда не говорили о любви. Принц даже не просил ее стать его женой, поскольку это само собой подразумевалось.

Но Девика была женщиной, и ей хотелось бы услышать слова признания. Однажды она уже узнала, что это такое. Это произошло не так давно, сразу после того, как скончался ее

отец. Проститься с князем Хозрема съехались многие правители соседних государств, а кто не приехал сам, прислал высоких сановников. Юный царь Ахора не счел нужным лично появиться, его представлял второй визирь Магам, важный толстый человек с масляными глазами, который не сводил взора с точеной фигурки принцессы. Магам набрался наглости и, когда прошло несколько дней после похорон старого князя, испросил аудиенцию.

Когда она приняла его, Магам долго ходил вокруг да около, рассказывая, с каким уважением он относился к отцу Девики и как скорбит царь Ахора, хоть государственные заботы и не позволили ему самому выразить сочувствие прекрасной принцессе.

Когда Девике утомили речи визиря, тот перешел к делу. Он заявил, что девушке будет трудно управлять княжеством одной, ей нужен хороший советник. Именно он, Магам, мог бы стать таким советником и мужем принцессы.

— Поверьте, я не ищу выгоды для себя лично! Поверьте, никто не станет вам более надежным слугой и другом! — упав на колени, Магам подполз к принцессе и схватил ее за руку. — Девика, станьте моей, не отвергните несчастного, умирающего от любви к вам.

Принцессе было неприятно его прикосновение, и она вырвала руку:

— Убирайтесь, или я позову стражу!

Магам отполз, но продолжал уговаривать:

— Я понимаю, как неуместно мое признание именно сейчас, но я даже спать не могу, есть не могу, всегда ваш образ стоит передо мной. Я умру, если вы откажете. Девика, я богат, я очень богат и могу стать еще богаче, только пожелайте этого!

Говоря эти слова, толстяк вновь подползал к принцессе, и чем ближе он был, тем безумнее становился его взгляд.

Девика не смогла его прогнать, она выскочила из комнаты сама. На следующий день она игнорировала Магама и даже не допустила его на прощальную аудиенцию. Говорили, что ахорский сановник был взбешен, но это мало волновало Девiku.

Позже, когда принцесса пыталась ответить себе на вопрос, почему она не велела тут же

выдворить наглеца за пределы княжества, ей пришлось признать, что хоть и противен он был, но признание не оставило ее равнодушной. Девика поняла, что хотела бы слышать такие слова, только от другого человека. От Ашуры? Может быть, да, а может, и нет.

Принцесса совершенно запуталась в своих мыслях, ее выручила вовремя появившаяся Дамаянти:

— Радостная весть, моя маленькая богиня! К нам пришел ваш будущий муж принц Ашура!

Принц, который успел переодеться и привести себя в порядок, вошел в комнату быстрым шагом. Он присел возле лежавшей Девика и с заботой в голосе спросил:

— Мне сказали, что ты едва не упала с коня! Неужели тебе стало хуже?

Девика обрадовалась возможности покапризничать.

— Да! — заявила она. — Я скоро совсем завяну, раз ты меня забыл.

— Но я не забыл тебя, Девика! — оправдывался принц.

— Да? А почему ты не позвал меня на охоту? Вот если бы ты брал меня с собой, когда отправляешься развлекаться, то уж, наверное, я бы сразу поправилась!

Несмотря на то что за этими словами стоял лишь каприз, Ашура стал оправдываться:

— Да знаешь ли ты, сколь опасна сейчас охота? Для женщин ли занятие, которое может стоить им жизни. На меня напал тигр! Но и это — не самое страшное.

И Ашура рассказал о бахмачари, сбитом с ног, и о тигре, который чуть не лишил Девика жениха. Поколебавшись, он рассказал и о требовании Девдаса, которое он, Ашура, не желал выполнять.

Принцесса внимательно выслушала рассказ. Помолчав, она спросила:

— Ашура, а ты уверен, что тигр напал на тебя не потому, что начались беды?

Ашура и сам предполагал такую возможность, но отгонял эти мысли, не желая согласиться с требованием верховного жреца. Он стал отвечать резко и горячо, будто желал убедить в своей правоте не столько ее, сколько себя самого:

— Я уверен, что этот тигр появился в наших

местах случайно! Кроме того, если бы богам нужно было наказать Хостинпур, то наказание прежде всего пало бы на меня, поскольку именно мой конь сбил с ног бахмачари. А значит, я уже не говорил бы сейчас с тобой, а шел по дороге к Идре, а для моего тела уже готовился бы погребальный костер. Девдас хочет подстраховаться, но я уверен, что к старости он стал слишком осторожен. Кроме того, я дал слово, а слово принца — закон. Чем бы это ни обернулось, Девика, вскоре ты станешь моей женой и то, чего давно желали наши родители, свершится!

— Хочу надеяться, что ты прав, — ответила Девика.

В тоне невесты принц почувствовал сомнение.

— Ты мне не веришь? — спросил он. Чувствовалось, что самолюбие принца задето.

— Плоха жена, которая не верит мужу! — улыбнулась Девика.

Принц облегченно засмеялся в ответ.

— Но я еще не жена тебе! — подразнила его Девика.

Ашура нахмурился, но, глядя в смеющиеся глаза невесты, вновь успокоился:

— На то, чтобы это исправить, нам не потребуется много времени. Через три дня ты станешь моей женой!

Улавливая магическое эхо, пичуга следовала по пути, который незадолго до нее проделала большая птица. Путь этот лежал над морем, но неподалеку от скалистого побережья, за которым расстилалась пустыня Ишчул, безлюдное опасное место, которое редко пересекали караваны, следующие из северных царств в Лахи.

С высоты птичьего полета за горами, протыкавшими небо своими острыми пиками, виднелись желтые пески, покрывавшие некогда плодородную равнину. Но о тех временах, когда на равнине текли ручьи и каналы, поившие водой землю, память осталась лишь в древних преданиях.

Безлюдным было и побережье, волны бросались на скалы с яростным ревом, но не могли победить суровый камень. Эти горы тянулись далеко на север и отступали от берега, давая

место узкой полоске земли только на границе княжества Хозрем.

Много лет назад скалы выросли по велению Идры, чтобы защитить людей, живших на равнине, от бога морских глубин Керя, которому захотелось населить свой мир людьми. Он и до того не упускал случая утащить к себе смельчаков, пускавшихся по соленой дороге исследовать другие края. Морской бог время от времени тянул свои мокрые ладони на побережье, утаскивая целые селения к себе под воду, но и этого ему было мало. Однажды он сам поднялся из воды и хотел выплеснуться на землю, чтобы взять населявших ее людей в подводное царство, и тогда Идра встал на защиту человеческого племени и вырастил горы, преградившие путь Керю.

Любая птица давно искала бы приюта на скалах или погибла бы в волнах, не в силах проделать столь длинный путь, но пичуга Донкранка Фира не проявляла усталости. Словно следуя невидимой нити, она рассекала воздух своими крылышками, покуда эта нить не привела ее к пологим скалам, образовавшим над морем каменное плато, усеянное огромными валунами.

Среди валунов стоял мрачный дворец, чью крышу увенчивал шпиль, издаലെка сливавшийся с пиками гор. Непрístupная крепость представляла собой переплетение башен и галерей, ступеней и стен, пересекавшихся по воле извращенного ума их строителя. Обитателям дворца не приходилось защищаться от людей, ибо ни горы нельзя было бы преодолеть отрядам вооруженных воинов, ни с моря забраться на высокие скалы. Башни, которые в иных крепостях служили сторожевыми, чтобы дозорные издаലെка могли заметить приближение вражеских армий, здесь были возведены лишь для украшения, но украшения странного. Если бы на дворец смотрел человек, он увидел бы в переплетениях и пересечениях его галерей и ступеней что-то демоническое. Каменные лестницы могли круто обрываться, словно были построены для самоубийц, а шпили, венчавшие башни, не всегда устремлялись в небо, они то упирались в скалы, то свешивались на манер кисточек шутовского колпака. Гладкие полированные

поверхности стен перемежались с грубо отесанным камнем, стены образовывали узкие проходы, по которым, наверное, могли скользить лишь тени. Ветер, блуждая в этих проходах, издавал такие звуки, будто жестокие палачи подвергали истязаниям сразу сотню узников.

Птица сделала круг над дворцом, пролетела по одному из проходов и приземлилась на бойнице в стене одной из многочисленных башен дворца. В тени узкой бойницы крылатого шпиона нельзя было заметить.

В темной комнате разговаривали два человека. Один из них держался как хозяин, второй явно зависел от него.

— Я выполнил твоё задание, Кнохт!

— Где перстень? — нетерпеливо спросил низенький человечек, одетый в черную блузу и черные же штаны. Его шею украшала толстая золотая цепь с медальоном, на котором скрестились два копия, наконечники копий были выполнены из алмазов. Из-за пояса человечка торчали ножны двух кинжалов. Ножны также были инкрустированы драгоценными камнями, вписанными в искусную резьбу.

— Кнохт, мы договаривались, что ты вернешь мне свободу, когда получишь перстень, — продолжал его собеседник, закутанный в серый плащ с надвинутым на глаза капюшоном.

— Я все помню, Хулл! Где перстень? — нетерпеливо спросил Кнохт.

— Вот он! — быстрым движением пустынный колдун извлек из складок плаща перстень с простым прозрачным камнем, в глубине которого блеснули три пурпурных пузырька.

Кнохт потянулся за перстнем, но Хулл поднял руку. Кнохт от нетерпения даже подпрыгнул, но не сумел достать перстень. Осознав, что он выглядит, будто малыш, прыгающий за конфетой, которой его дразнит подросток, Кнохт зло посмотрел на колдуна и отступил.

— В чем дело, Хулл?

— Ты мне песок, я тебе перстень! — проговорил Хулл, напоминая прежние договоренности. — Или ты мне не веришь, маг?

— Верю — не верю! Что за детские игры! — возмущенно взмахнул рукой Кнохт. — Я должен убедиться, что ты меня не обманываешь!

Хулл протянул ладонь, и его собеседник

схватил перстень. Подозрение, написанное на его лице, сменилось довольной улыбкой.

— Это он! — обрадованно сказал Кнохт. — Теперь я в этом уверен, я слышу дыхание!

— Песок, Кнохт! Отдай мне песок!

Маг явно не хотел выполнять договоренности.

— А зачем он тебе, Хулла? Ты все равно не сможешь вернуться к своим, тебя прогонят!

Хулла подскочил к Кнохту и попытался схватить его за горло. С силой, которую трудно было предположить в маленьком человеке, тот перехватил руку пустынного колдуна и заломил ее за спину. Колдун застонал.

— Давай не будем ссориться! — предложил Кнохт. — Мы всегда умели договариваться. И вообще-то я рассчитывал на благодарность за все, что сделал для тебя.

— Отпусти! — хмуро сказал пустынный колдун. — Я погорячился.

Кнохт отпустил руку колдуна и предложил:

— Давай-ка пройдем к столу, ты восстановишь силы после долгого пути и расскажешь мне, как добыл перстень.

Пропустив Хуллу вперед, маг направился за ним к выходу из комнаты.

Воробей слетел на пол и намеревался последовать за ними, но дверь, срубленная из толстых досок, сбитых крепкими железными полосами, захлопнулась перед его клювом. Птица попробовала преодолеть ее, сделав вид, что не замечает двери, но ударилась в доски и отказалась от своего намерения. Магия Донкранка действовала не везде.

Воробей вылетел из бойницы и полетел обратно к своему хозяину, задание было выполнено.

Между тем Кнохт и Хулла оказались в столь же неприветливом, но огромном, по сравнению с прежней комнаткой, зале замка. Здесь был накрыт стол, на котором стояли кувшины с вином, блюда с жареным мясом и рыбой, тушеными овощами. К прибытию гостя в замке готовились.

Кнохт уселся во главе стола, где стояло высокое кресло, под которым притулилась скамеечка для ног. Сидя на этом кресле, хозяин замка не казался карликом, а, напротив, был чуть выше гостя. Хулла уселся сбоку.

Хозяин сам наполнил серебряные кубки и провозгласил тост:

— За удачу, которая тебе сопутствует!

— Это тебе сопутствует удача, — проворчал гость. — Я по-прежнему остаюсь изгнанником.

— Ну-ну, не стоит так переживать! — остановил его ворчание Кнохт. — Или тебе плохо со мной?

— Мне будет хорошо, когда я получу обратно песок, — ответил Хулла. — Тогда во славу Сангаджа я смогу пользоваться своей силой в полную мощь.

Спор, который вели маг и колдун, касался амулета — маленького мешочка с песком, в котором заключалась энергия пустынных колдунов. Такой мешочек имел каждый колдун и берег его пуще глаза.

В давние времена, когда горы выросли на морском побережье, а реки и ручьи повернули вспять из плодородной равнины, люди стали покидать эти места. Но не все хотели уходить, из многих племен одно, поклонявшееся демону Сангаджу, не пожелало покинуть равнину, хотя она и стала непригодна для жизни. Племя жило обособленно, это были кочевники, которые поддерживали свое существование, в основном нападая и грабя другие племена.

Но жить в пустыне стало невозможно. Тогда племя обратилось к своему покровителю, и Сангадж пообещал наделить их удивительными способностями.

Старейшины племени, побеседовав с демоном, вернулись к своим людям и рассказали об обещании демона. Сообщили они и о том, что демон поставил условие. Он готов был дать долгую жизнь мужчинам племени, если те принесут ему жертву, но что это будет за жертва, демон не сказал.

Решение принимали мужчины. Они согласились на любую жертву, которую потребует Сангадж в обмен на жизнь. Это решение старейшины передали демону.

В тот вечер мужчины радовались и благодарили Сангаджа, обещавшего им помощь. Вино текло рекой, но удивительно быстро усыпило всех праздновавших. Что произошло ночью, никто из них не знал, но, проснувшись утром, мужчины не обнаружили в своих палатках ни женщин, ни детей. Только на шеях у мужчин появились амулеты, наполненные песком.

Не все приняли волю демона, некоторые пустились на поиски своих семей, но эти поиски оказались тщетными. Иные сорвали со своих шей подарок демона и проклинали час, когда согласились на его условия. Таких ждала гибель. Остальные ожесточились, стали осваивать новые возможности, которые дал им злобный Сангадж. Среди этих возможностей была и долгая жизнь, если существование, которое вели пустынные колдуны, можно называть жизнью...

Получив новые способности, колдуны не утратили жажды власти и любви к насилию. Один из них — Хулла — попытался подчинить других, но встретил жесткий отпор.

Объединившись, несколько пустынных колдунов одолели его и бросили умирать на скалах, отделявших пустыню от моря. Там его и обнаружил Кнохт.

Маг прежде всего снял с его шеи амулет с песком, подаренным демоном. Не сделай он этого, ему, возможно, не удалось бы подчинить Хуллу своей воле. Без амулета, да еще пострадавший от рук собратьев, колдун был вынужден пойти в услужение Кнохту.

Последним заданием, которое получил Хулла, было требование доставить в замок на скалах перстень, за которым долго охотились многие служители зла. Кнохт прознал, что однажды пустынные колдуны чуть не завладели этим перстнем, но бахмачари, хранившему его у себя, помог случай, пославший в пустыню человека.

Найти этого человека смог, пользуясь магией, Кнохт. Получить перстень сумел Хулла. Теперь пустынный колдун желал обменять перстень на амулет с песком, чтобы возвратить себе всю силу, подаренную Сангаджем.

— Ты вернешь мне амулет? — спросил Хулла мага, когда завершил рассказ о том, как ему удалось получить перстень.

— Конечно! — ответил Кнохт. — Прямо сейчас, после обеда.

Завершив трапезу, маг поднялся и поманил за собой колдуна в смежную комнату. Там на низком столике с кривыми ножками стоял сундучок, с крышки которого скалились тигры.

— Твой амулет там! — кивнул Кнохт на сундучок. — Бери его!

Хулла так желал получить обратно полную силу пустынного колдуна, что забыл об осторожности. Он шагнул к столику и обеими руками открыл крышку. Из сундучка ударил столб зеленого света, ослепивший колдуна. Тот зажмурился, но было поздно. Он поднял руки к своему лицу и рухнул на пол.

Кнохт, закрывавший глаза рукавом, осторожно нащупывая дорогу, подошел к столику и захлопнул крышку сундучка.

— Никогда не надо спешить! Ты слишком горяч и нетерпелив, Хулла! С такими качествами тебе лучше подчиняться мне, чем действовать самому, — издав скрипучий смешок, Кнохт удалился, любовно поглаживая перстень.

— Пятьдесят мер серебра было направлено на покупку оружия у торговых людей, семьдесят пять передано в распоряжение визиря, занимающегося благоустройством, сто двадцать ушло на оплату...

Голос первого визиря Готама разносился по залу и таял, поглощаясь стенами. Падаси безуспешно пытался сосредоточиться. Сегодня он внезапно почувствовал себя плохо. Во время утреннего боя на мечах, которому царь каждое утро уделял время, чтобы сохранить хорошую форму, он не смог отразить удар противника. Синяк, оставленный деревянным мечом на предплечье, побаливал.

После обычного легкого завтрака царь принял визиря, ведавшего казной. Но сосредоточиться на цифрах не мог. Визирь сыпал цифрами, но Падаси его не слушал. Дождавшись паузы, он сказал:

— Да, все хорошо. Давай продолжим завтра!

Падаси направился в покои своей супруги.

Не успел он войти к Дурге, как постучалась служанка и сообщила, что явился Девдас, который непременно хочет видеть царя, чтобы поговорить об Ашуре.

Царь хотел было удалиться, но Дурга остановила его:

— Может быть, верховный жрец не захочет скрывать от меня того, что касается моего сына?

Царю не хотелось спорить, он распорядился, чтобы Девдаса ввели в покои царицы.

Служанки приготовили чай, накрыв малень-

кий столик, за которым расположились хозяева и гость. Когда они остались втроем, Девдас внимательно посмотрел на царя. Верно истолковав этот взгляд, Падаси проговорил:

— Сегодня я чувствую слабость. Не хочу, чтобы об этом говорили, но прежде со мной никогда такого не было. Наверное, старость скоро согнет воина.

Девдаса, казалось, не удивили эти слова. Верховный жрец рассказал об утреннем происшествии, в результате которого пострадал бахмачари, о словах святого и реакции Ашуры. Пока он говорил, к чаю никто не притронулся, он так и остался стять в пиалах, наполняя комнату ароматом жасмина.

Падаси, который хмурился все больше, произнес:

— Ты считаешь, что свадьбы быть не должно?

— Об этом не может быть и речи! — возразила Дурга. — Ашуре пора жениться, а то он слишком много внимания уделяет развлечениям.

Падаси покивал:

— Да-да, я становлюсь слаб. Возможно, Хостинпуру вскоре будет нужен новый правитель...

Девдас и царица пытались возражать, но умолкли, взглянув в лицо царя.

Он слабо улыбнулся:

— Вы сами видите, что сегодня со мной происходит. Я не знаю воли богов, они не сообщают смертным, что нас ждет. Нам остается молиться, полагаясь на их милость. Но плохим бы я был царем, если бы не позаботился о том, чтобы во главе моего государства стоял сильный правитель. Ашура воспитан правильно, он сильный воин и сумеет укрепить славу Хостинпура. Но он молод и горяч, что не всегда хорошо для правителя. Женитьба, рождение наследника должны сделать его серьезнее.

— Вы, конечно, правы, когда говорите о необходимости свадьбы, — согласился жрец. — Но я думаю, боги сейчас отвернутся от Хостинпура. Не может быть благословенным место, где святой чуть не лишился жизни, и еще неизвестно, останется ли он жив.

— Я понимаю тебя, Девдас, — проговорила Дурга. — Ты хочешь, чтобы покаянием Ашура смыл с себя вину, которой на самом деле на

нем нет. Но поможет ли покаяние, если, как ты говоришь, боги отвернулись от Хостинпура?

Падаси поддержал ее:

— Отказ от свадьбы будет толковаться так и этак в соседних государствах. Любой отказ от наших планов даст понять врагам, что власть в Хостинпуре не так крепка, как хочет казаться. Мы не можем себе этого позволить. Нужно избегать лишних волнений.

В комнате повисло молчание. Девдас наблюдал за игрой света на поверхности жасминового чая. Наконец он вздохнул:

— Но я не уверен, что нам удастся их избежать.

— В таком случае нужно принять решение, — подвел итог разговору Падаси. — Что станет для нас меньшим из зол: отказ от свадьбы, который будет истолкован как наша слабость, или же свадьба при отсутствии милости богов? Уверен ли ты, что покаянием мы вернем утраченную милость?

Девдас ответил:

— Наше дело — молить о прощении.

— Мы и будем молить о прощении, — согласился Падаси. — Идра милостив, но, если нам предстоит вынести испытания, мы сами не должны увеличивать их суровость.

Царь, царица и Девдас вновь замолчали. Они понимали, что, какое бы решение ни было принято, им нужно будет нести за него ответственность.

Девдас вздохнул:

— Царь, у меня есть что сказать тебе, кроме уже сказанного. Бахмачари изрек еще одно предсказание. Кто-то пытается оживить Черного Палача. Они не сумели уберечь перстень, и он попал в чужие руки. Больше мне ничего не известно, но я думаю, что слова бахмачари — правда.

Царица вскрикнула, Падаси побледнел и зашатался, сидя на низком табурете.

Девдас вскочил, чтобы поддержать его, но царь быстро справился с приступом слабости. Дурга поднесла к его губам пиалу. Глотнув остывшего чая, Падаси проговорил:

— С этого нужно было начать, Девдас. Теперь не остается сомнений, что мы должны сделать все для укрепления власти в Хостинпуре. На протяжении многих лет я слышал от разных

деревенских колдунов, от приверженцев недобрых культов, что Палач может вернуться, но это было лишь желание. Я не придавал значения их словам. Но теперь, когда весть исходит от бахмачари, нам нужно в это верить.

Царь обхватил голову руками:

— О, Идра, спаси Хостинпур! Пять поколений сменилось с того времени, как Черный Палач принес в жертву богам смерти сотни хостинпурцев, тысячи жителей были погублены демонами-раксасами, которых маг привел в нашу страну. Три царя пожертвовали кровью, чтобы запереть его навеки, и вот теперь вновь наступают ужасные времена...

— Поэтому я предлагал вернуть милость богов, если это возможно, — напомнил Девдас.

— Но сказал ли бахмачари, что есть способ защититься от Черного Палача?

Верховный жрец покачал головой.

— Тогда мы должны быть готовы к войне. Мне нужно отдать распоряжения, усилить дозоры, собрать армию. Мы должны быть сильны, и в этом нужно уверить всех. Поэтому свадьба состоится.

Царь глубоко вдохнул, ему не хватало воздуха.

— Тебе нужно прилечь, — сказала Дурга. — У тебя много дел, но, чтобы справиться с ними, сейчас надо хоть немного отдохнуть.

— Нет, — отрезал Падаси. Опираясь на руку жены, он направился к выходу. Девдас вышел с ними, и, пока он шел к воротам дворца, ему навстречу уже бежали военачальники и сановники, которым было приказано явиться к царю.

Для Хостинпура наступали тяжелые времена.

Продолжение в следующем номере

Вениамин Алексеевич СЛЕПКОВ

родился в 1969 году в Петрозаводске.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

Член Союза журналистов с 1991 года.

Работал корреспондентом, завотделом, редактором в газетах Карелии.

В настоящее время — редактор отдела публицистики журнала «Север».

Автор шести книг прозы, поэзии, публицистики.

В журнале «Север» публикуется с 2009 г.

